

Кристина Юраш
Принца нет.
Я за него.

Кристина Юраш

Принца нет! Я за него!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40651021

ISBN 9785449628794

Аннотация

Ждете принца на белом коне? Извините, за него я, Юля. Рука принцессы не интересуют! Только звонкая монета и полкоролевства! За меня не надо выходить замуж, целовать и так далее. Я не умею ездить на коне, махать мечом, а при слове «дракон» у меня дрожат колени... Когда у меня что-то не получается, на сцену выходит мой крестный отец... тьфу ты, фей, который даст фору любому бандиту. Спасая принцесс и решая кучу чужих проблем, я начинаю понимать принцип одиноких женщин: «Лучше с котом, чем со скотом!»

Содержание

Глава первая. Кому должна, я всем прощаю!	5
Глава вторая. Только песня совсем не о том, как не ладила Юля с котом	24
Глава третья. Как принц к успеху шел	44
Глава четвертая. Нет у нас подушки, нету одеяла, прижмемся мы друг к дружке...	68
Глава пятая. Гадкие лебеди, или Мы не ждали вас, а вы...	88
Глава шестая. У меня есть три жены, а четвертой будешь ты!	107
Глава седьмая. Пятьдесят оттенков черного	127
Глава восьмая. Кошки-мышки	148
Глава девятая. Не смотри и не облизывайся	170
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Принца нет! Я за него!

Кристина Юраш

Лучше с котом, чем со скотом!

© Кристина Юраш, 2019

ISBN 978-5-4496-2879-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Кому должна, я всем прощаю!

Есть женщины, которые страдают от одиночества, а я не страдаю. Я им наслаждаюсь. Давайте начистоту. Принца своего я не встретила. Ни в шестнадцать, ни в восемнадцать, ни в двадцать пять к моему дому не прискакал белый конь, с которого на раскоряку не стек бедный принц, одергивая галифе, и не пошел трезвонить в домофон с криками: «Юля! Открой! Я к тебе!». Есть у меня подозрение, что он все-таки приезжал. Но в этот момент я, как обычно, была на работе, поэтому принц сиротливо постоял у подъезда, снова расправляя галифе и его отбитое долгой дорогой содержимое, почесал корону и поскакал к другой девушке, которую застал дома. И жили они долго и счастливо, пока не умерли в один день. Хотя нет, принц не приезжал. Бабушки у подъезда обязательно мне бы сообщили об этом.

Так что с личной жизнью, как говорят некоторые мои знакомые, у меня не сложилось. Знакомых коней было много, а принцев не попадалось. Был «Конь в Пальто», который не вынимал изо рта сигарету и постоянно рассказывал о своих наполеоновских планах на будущее. Унылое настоящее его не интересовало. А вот светлое будущее – совсем другое дело. Воздушные замки собственного бизнеса, воздуш-

ная квартира, воздушная машина. После моего намека на то, что «будущее начинается уже сегодня», он почему-то обиделся, распечатал новую пачку сигарет и снова начал строить амбициозные планы на пока еще не заработанные деньги. На день его рождения я подарила ему «воздушную» женщину и попросила удалить мой номер.

Был «Конь в Авто», постоянно жалующийся на шумы в моторе и часами доказывающий мне принципиальную разницу между «иномаркой» и производной отечественного автопрома. Все диалоги сводились к примерно такому абсурду:

– Давай поговорим о Шекспире?

– Давай. Если бы у Шекспира была машина, то у него по-любому были бы шумы в моторе. А все почему? Потому что...

Наши отношения напрямую зависели от шумов в коробке, в моторе, в работе системы охлаждения и прочих неполадках в начинке железного коня. Когда там что-то барахлило, о романтике речи быть не могло! А поскольку в машине всегда что-то стучало, греюкало, дребезжало, или ему так казалось, наши «отношения» дальше разговоров не сдвинулись. Зато я теперь все знаю про роторные двигатели, про пальцы мотора, про присадки и где подешевле можно заказать детали. А так же все СТО в окрестностях. Именно там у нас и проходили свидания. Точнее начиналось свидание так: «А поехали, съездим куда-нибудь», а заканчивалось: «Ой! Тут СТО неподалеку. Давай заглянем. Мне кажется,

что в коробке что-то хрустит!».

Был «Конь За Что?», с виду производящий впечатление солидного и вполне ответственного человека, на поверку оказавшегося таким нытиком, что диву даешься, как такой красивый, явно не глупый мужчина может столько ныть? К концу разговора с ним мои уши опухали и сворачивались в трубочку. А после того, как он в очередной раз пересказывал одну и ту же историю, у меня возникало горячее желание великодушно добить страдальца, чтобы не мучился. Не выдержав моральных истязаний, я просто перестала брать трубку. И тогда он стал наяривать с других номеров. Надо же кому-то излить душу? Потом отстал. Нашел свободные здоровые уши.

«Конь Никто» тоже однажды мелькнул на горизонте моей жизни. Он считал, что осчастливил меня собой, за что я должна быть по гроб жизни ему обязана и благодарна. «Никто, кроме меня, не поведется на такую, как ты!». Вот, собственно, последнее, что я услышала в трубке телефона перед тем, как сбросить вызов и стереть его номер.

Последним в послужном списке моего «коневодства» был «Конь Зато». Ну и что, что он не поздравил меня с Новым годом, ЗАТО три недели назад мы были в кино. Ну и что, что у него совсем нет денег на такси, ЗАТО он отжимается от перекладины двадцать раз! И что с того, что он внезапно ни с того ни с сего пропал на три недели, ЗАТО теперь он знает, что я – лучшая! Три недели он проверял, лучшая я или

нет! Сравнивал. Молодец! Я победила. Ничего себе! Я должна залезть на пьедестал, сжать в руках кубок и целовать медальку. Чуть ниже стоят серебряная и бронзовая призерши, с завистью глядя на меня-счастливицу. Еще бы! Я победила! Вместо гимна должен заиграть Мендельсон. Но не заиграл.

Были и другие кони, но они проскакали мимо, пуская пыль в глаза.

И я даже рада этому. Смотрю на своих бытом заезженных подруг, у которых в голове вертится только одна мысль: «Что приготовить вечером и во сколько я сегодня лягу спать», и наслаждаюсь... одиночеством. Готовить на целую роту не надо, убирать за домашними «хрюшками» не надо, уроки учить с маленьким геймером не надо. Живи и радуйся.

«А как же гвоздь забить?» – спрашивают меня, упоминая и засорившуюся раковину, и текущую трубу, и шкаф на шестой этаж. Гвоздь забить я и сама умею, раковину прочистить – не проблема, а для сложных сантехнических работ есть специальные люди, которые за умеренную плату поменяют и трубы, и краны. Про шкаф я вообще молчу. Может быть, в дремучем средневековье, когда женщина и пикнуть боялась, молча входя в перечень имущества супруга, без мужчины было тяжело, но сейчас, когда Клара Цеткин и Роза Люксембург поставили знак равенства между «м» и «жо», с этим вообще нет никаких проблем.

Нет, ну конечно накатывают на меня приступы меланхолии, когда я сижу на диване, смотрю мелодраму, попивая

чай, и мне так хочется прижаться к сильному мужскому плечу, чтобы меня защитили и спасли, а потом страстно поцеловали. Но потом я мысленно переношу героев в двушку без евроремонта и наслаждаюсь тем, как медленно, но верно их «любовь» скатывается в «бытовуху». Вот такая я злая. Скарлетт, стирающая хозяйственным мылом носки Ретту Батлеру, Анжелика, кромсающая капусту для борща Жоффрею, Мэгги, моющая гору посуды за Ральфом де Брикассаром. Красота! Сотни историй «неземной любви», которые отлично смотрятся на фоне дворца, кучи прислуги, фонтанов, карет и «мсьеканья», но абсолютно не вписываются в унылый семейный быт. Стоит мне это представить, как меланхолия проходит без следа. Я, наверное, так долго ждала принца, что со временем научилась обходиться без него. Я – сама себе принц.

Ладно, что-то я отвлеклась. Итак, ничего не забыла? Деньги взяла? Взяла. Вот они. Телефон? В кармане. Все вроде бы. Паспорт! Да, паспорт! Есть! Отлично. Мало ли, а вдруг пригодится? Теперь вызываем белого коня... Тьфу ты, такси.

– Алло, здравствуйте, а можно машинку? – Я продиктовала свой адрес. – Мне до автовокзала. Хорошо, подожду.

Через десять минут квакнуло СМС: «К вам едет шевроле, цвет голубой, номер...» Отлично. Пора выдвигаться.

Я закрыла дверь, радуясь, как легко и просто она теперь запирается. Новый замок поставила. Сама. Медальку уже себе купила. Шоколадную. И съела. В гордом одиночестве.

Телефон противно мяукнул.

– Юлечка, солнышко, ну ты где? Ты же обещала меня встретить! – раздался писклявый голосок моей младшей сестры, – Я тут стою одна... с сумочками. Они такие тяжеленькие...

– Ну постой еще немного. Сейчас приеду! – ответила я, прижимая телефон к плечу и запихивая ключи в сумку.

– Юлечка, солнышко, а побыстрее можно? Просто я не могу дотащить сумочки до скамеечки! – на том конце голос был жалобный-жалобный. Такое чувство, будто Настя стоит одна в темном переулке, а напротив шесть вооруженных до зубов амбалов, которые чего-то от нее хотят. Или она задолжала кучу денег сицилийской мафии, а сейчас, сплунув скотч, под дулом пистолета вещает мне о том, что ей срочно нужна помощь. Любая. Но желательно скорая и финансовая.

– Попроси кого-нибудь из мужиков! Ты что там? Одна на необитаемом острове? – раздраженно спросила я, удивляясь наглости сестрички.

– Мне так неловко... – раздался мяукающий голос. Мамин «котенок». А сестру напрягать – ловко? Ладно, надеваем футболку с надписью с буквой «S», стринги поверх колготок и простыню на плечи. Полетели спасать!

Стоило мне только выйти из подъезда, как раздался еще один звонок. Мама.

– Юля! Почему ты не встретила Настеньку? Вы же до-

говаривались! Она там, бедненькая, стоит на вокзале, одна, с сумками... – строгий мамин голос отчитывал меня по всем пунктам.

– А ничего, что автобус пришел на полчаса рань... Хорошо, мам... Да, мам... Уже еду... – отвечала я, всматриваясь вдаль. Где это шевролёт?

Если вы подумали, что моей сестре – двенадцать лет, и она впервые вышла из дома, щурясь на свет божий, то вы глубоко заблуждаетесь. Ей – двадцать пять. Она второй раз замужем и у нее двое детей. Но она – «мамин котенок», а я – «палочка-выручалочка». Так что пока я закрывала дверь и спускалась вниз по лестнице, «котенок» уже намурчал маме о том, что я ее не встретила, такая-сякая, а она одна, с сумками, на вокзале, и ей очень страшно, холодно и одиноко.

Я выручаю сестру столько, сколько себя помню. В семь лет мазала ей йодом коленки и подогревала кашу, в десять делала за нее домашнее задание, в пятнадцать – разбиралась с ее приставучими ухажерами, в двадцать – писала курсовые, дипломы, в двадцать три – объясняла ее первому мужу, что поднимать руку на беременную жену – нехорошо, пока «котенок» молча страдал в уголке. Я сама тащила ее за руку подавать заявление на развод, потому, что «котенок» свято верил в то, что все наладится и это было в последний раз. «Он ведь обещал? Обещал! Он такой хороший, только вот иногда... Да... А синяки на животе пройдут... Ну и что, что ногами бил? Он мне, знаешь, какие розы подарил после этого!

Я сейчас тебе фоточку покажу! А тебе, Юлька, никто цветов не дарит! Бе! А! Вот еще! Смотри, какие розы! Зацени! А это мы с ним целуемся на фоне роз! Я эту фоточку себе на аватарку поставила! Правда, супер?» Супер. До следующего звонка и всхлипываний в трубку: «Юля, он меня сейчас убьет! Сделай что-нибудь! Он снова пришел пьяный! Ма-а-амочки, он сейчас дверь выломает! Я так боюсь! Юля!»

Где такси? Я стояла, нервно переминаясь с ноги на ногу, поставив телефон на беззвучный режим. Он вибрировал, не переставая, потому что именно сейчас моя дорогая мама и ее «котенок» наперебой наяривают мне в надежде, что я положила телефон в задний карман джинсов и каждая вибрация придает моему телу необходимое ускорение.

Прилетит вдруг волшебник в голубом шевролёте и домчит до вокзала меня... Я уже теряла терпение, поглядывая на часы. Кто ж знал, что автобус приедет на полчаса раньше? Исходя из мамино монолога, я должна была занять место на вокзале еще с вечера, потеснив бомжей и бродячих собак, дабы, отдохнув как следует, встретить сестренку с «о-о-очень тяжелыми сумками». А потом пять дней выгуливать, кормить и ублажать «котенка». «Котенок» потом бессовестно выгребет содержимое моего холодильника «на дорожку», перемеряет весь мой гардероб со словами: «Тебе что? Жалко, что ли?», заберет штук пять понравившихся ей нарядов, вытряхнет мою косметичку: «Ну ты же все равно почти не красишься!» и упорхнет домой, целуя меня в щечку и пе-

редавая привет от «мамулечки». Кошачья семья, на данный момент проживающая вместе с моей мамой в соседнем городе, к себе в гости зовет меня редко. И только тогда, когда чему-то настанет полярный лис. Зовут осторожно, деликатно, под предлогом «попить чайку», а потом начнут жаловаться, мол, сломалось... И смотрят на меня жалобно-жалобно. Не смущает их и то, что в доме вроде бы есть мужик. Но у него настолько золотые руки, что он боится даже прикасаться к инструментам.

Я понимаю, что пора бы давно послать их всех куда подальше, выдать транспарант с надписью «Спасение утопающих...», но... увы. Я не могу этого сделать. Не потому, что я – морально слабая и бесхребетная личность, на которой очень удобно кататься, нет. Причина совсем в другом.

Тревожно глядя вдаль, я вздрогнула, когда почувствовала, что кто-то трется об мою ногу. Огромный черный котяра наворачивал вокруг меня круги, как дети на утреннике вокруг елки.

– Брысь! – прошипела я на него.

Кот посмотрел на меня тяжелым взглядом голубых глаз, и продолжил самозабвенно натирать мои ноги, утробно мурча и требуя, чтобы я взяла его к себе домой.

Я понимаю, что мне, как одинокой женщине, полагается кот. Большой, жирный, ленивый кот. Чтобы он смотрел на меня суровым взглядом единственного мужика в доме, самозабвенно вылизывал пушистые «бубенчики», просился

погулять с первыми тающими сосульками, а потом приходил побитый, плешивый, с разодранной мордой и обессиленно падал у порога. Дело сделано. Природа торжествует. Через полгода на меня будут смотреть из каждой подворотни точно такие же угрюмые, подозрительно знакомые кошачьи морщины. А особо ушлые потомки будут предъявлять претензии в виде жалобного «Мяу!», когда я буду идти с пакетами из соседнего супермаркета. Только пусть не думают, что я собираюсь вытряхивать из пакетика «алименты» и кормить их за гаражами. Нет. Нет. Нет. Я не люблю котов, котят, котешек, котэ и прочих представителей семейства кошачьих! Так что этот котяра пусть не рассчитывает на то, что я его заведу. Мне и без него хорошо. С меня вполне хватит и одного «котенка».

– Пшел вон! – прошипела я коту, который снова самозабвенно начал наворачивать вокруг меня круги.

Да что ж такое! Где это шевроле? А вот и оно! Наконец-то. Машина припарковалась возле моего подъезда. Я подлетела к передней двери, дернула ее и упала на сиденье.

– На автовокзал! Срочно! – выпалила я, переводя дух. Принц без страха и упрёка мчится на выручку бессовестной принцессе. В сто пятьсот первый раз.

– Я никуда не поеду! Выходите из машины! – произнес хмурый небритый водитель, убавляя громкость магнитолы.

– Что значит «не поеду»? – возмутилась я, не донеся наушник до уха.

– Не поеду! Инструкция. Вы не сказали, что с вами будет домашнее животное. Вы должны были заранее предупредить диспетчера о том, что вам нужно перевезти кота! – возмутился водитель, ударяя рукой по счетчику.

– Какой кот? – удивилась я, чувствуя, как в кармане гудит от негодования мой бедный телефон, – У меня нет кота!

– На заднем сидении сидит ваш кот, – заметил водитель, кивая куда-то назад.

– Это – не мой кот! Еще раз повторяю! – возмутилась я, поворачиваясь на заднее сидение. – Да нет там никакого кота!

– Да вот же он! – возмутился водитель, поправляя зеркало. – Так, освобождайте машину, вызывайте новую и ждите. Только уточните, что вы будете с котом. И желательно клетку или сумку для перевозки возьмите! Не хватало, чтобы он сидения порвал. Коты, они такие!

Что делать? Что делать? Я посмотрела в зеркало заднего вида. Да, действительно на сидении сидит тот самый черный кот. Я резко обернулась – никого. Спрятался, гад.

– Послушайте. Кот – не мой. Хотите – вышвырните его из машины! У меня нет кота! Не было и быть не может! – сообщила я, оборачиваясь на котэ. Он сидел как ни в чем не бывало.

– Давайте я доплачу, – тихо произнесла я, – Только, пожалуйста, поехали, а? Я очень тороплюсь. С котом как-нибудь разберемся!

И тут котяра демонстративно потянулся, с явным гадливым удовольствием впиваясь когтями в обшивку сидения. Не вынесла душа таксиста. Он попытался дотянуться до кота, но тот зашипел на него.

– Так, девушка, выметайтесь отсюда! И кота своего забирайте! – заявил водитель, пытаясь отодрать кота от обшивки.

Стоило мне выйти из машины, как кот выбежал следом. Я снова попыталась вызвать такси, но диспетчер сказал, что свободных машин сейчас нет. Ожидайте минут сорок... А котейка снова терся об мою ногу – и так настойчиво, что чуть не завалил. И телефон неустанно вибрировал. У меня скоро болезнь Паркинсона начнется!

– Алле! – заорала в трубку я. – Да еду я! Еду! Чего ко мне пристали? Достали уже! Была бы что? Своя машина?

Нет, ну это уже предел. Была бы своя машина! У меня даже права есть. Я подумывала ее купить, но все мои деньги пошли на погашение кредита «котенка», которая в тот момент ждала второго ребенка от второго мужа. Помню-помню. Мама в ногах валялась, умоляя дать сестренке денежек, потому как ее сильно беспокоят коллекторы из банка, а ей нельзя волноваться. И дать надо, как гнусаво заметила Сова из «Винни-Пуха», «бездвоздмездно».

Я психанула и бросила трубку. Чип и Дейл в моем лице были близки к тому, чтобы забить болт на все и накрутить на него Гаечку.

Котэ не отставал, «хороводясь» вокруг ног. Такими тем-

пами у меня скоро будут полноценные валенки из кошачьей шерсти. И тут, каюсь, я его пнула. Не так, как пробивают пеньальти, но вполне ощутимо. Не очень больно, а скорее, обидно. Но кот не убежал с дикими криками и не спрятался в какую-нибудь дыру, зализывая «бубенчики» и переживая свою маленькую кошачью трагедию.

– Прости, котик, тебя случайно намотало на маховик моего плохого настроения, – гаденько сказала я, срывая на пушистике всю злость на несправедливый мир.

Кот отошел и посмотрел на меня очень нехорошим и многообещающим взглядом. Таким можно ложки гнуть и гвозди заколачивать.

– И что ты мне сделаешь? – злобно произнесла я.

Мобильник опять завибрировал. Звонила мама. Кто-то уже «намяукал» на меня.

– В тапки нагадишь? Или сделаешь вонючую лужу под моей дверью? – ехидно поинтересовалась я, глядя на недовольную кошачью морду.

И тут котишке явно стало плохо. Он лег на землю и замер. Я посмотрела на него и поняла, что он сдох. Кот сдох. Брр! Мне было так неприятно, что решила отойти подальше. Мое Сердце сжималось от жалости и чувства вины. Вроде не сильно ударила... Хотя вдруг он какой-то больной?

Ладно, тут остановка недалеко. Я воткнула в уши наушники и двинулась в сторону остановки. Прогуляюсь пешочком. А что делать?

Выйдя дворами к дороге, увидела, что неподалеку от перекрестка столпились люди. Голубой шевролёт с промятой передней дверью со стороны пассажира, в которую, почти как нож в масло, вошла зеленая тойота. Удар был такой силы, что если бы на переднем сидении сидел человек, то вряд ли отделался бы легким испугом. Люди охали, ахали, фотографировали на телефон. А где-то уже слышался вой сирены скорой помощи.

У меня квакнуло СМС: «Ваш вызов отменен. Пользуйтесь услугами нашего такси и получите скидку на каждую третью поездку!» Водитель шевроле был жив и даже сам вышел из машины, пошатываясь и вытирая кровь, текущую из разбитого лба. Насчет пассажиров и водителя тойоты я не знала и подходить ближе не решалась. Мысль о том, что на переднем сидении могла бы сидеть я, повергла в ступор. Я стояла на ватных ногах и не могла пошевелиться, глядя, как на месте аварии суетятся люди. Автобус, идущий до автовокзала, проехал мимо, а я в оцепенении смотрела, как вытаскивают водителя тойоты, кладут на носилки и грузят в карету скорой. В плеере играла музыка, прерываемая судорожной вибрацией и противным мяуканьем.

Внезапно я почувствовала, как у меня из правого уха медленно вытаскивают наушник.

– Нравится? Красиво, не так ли? – спросил тихий, вкрадчивый, но в тоже время зловещий мужской голос за спиной. – Не оборачивайся, мышка. Стой и смотри. Смотри вни-

мательно и запоминай. Запоминай все, что видишь. Потому что сейчас тебя наматает на маховик моего очень плохого настроения. И мало тебе не покажется.

Я хотела обернуться, но не смогла. На асфальте отчетливо были видны две тени. Моя маленькая, с зажатым в руке телефоном, и вторая, высокая, почти полностью заслоняющая мою. Большие руки легли мне на плечи. Сквозь тонкую футболку я ощутила, как острые когти неглубоко впиваются в кожу, потом хватка чуть-чуть слабеет... и когти вонзаются снова. Господи, что это? Это что за фильм ужасов?

– Ты спрашивала, что я могу тебе сделать? – снова произнес тот же голос у самого уха. – Хороший вопрос, мышка... Дай-ка подумать...

Когти впились в плечи уже достаточно сильно. Я чуть не ойкнула от боли. Хотелось вырваться, крикнуть, но я стояла молча, как статуя, глядя на две тени на треснувшем асфальте.

– В тапки я, разумеется, гадить не буду. Это ниже моего достоинства. А вот в душу – всегда пожалуйста! – усмехнулся мужчина с легким придыханием и на секунду закрыл ладонью мои глаза.

Когда он убрал руку, я поняла, что снова могу шевелиться, и обернулась. На меня смотрели голубые человеческие глаза. Взгляд из-под черных, сдвинутых бровей был очень тяжелым, холодным и подозрительно знакомым. Я уже говорила, что таким взглядом надо гвозди заколачивать. Судя

по всему, в меня мысленно вбили целую пачку гвоздей и потянулись за второй.

К глазам прилагался тонкий, длинноватый нос с чуть опущенным вниз кончиком и отвратительная однобокая усмешка на красиво очерченных губах. Такое чувство, что обладателя всей этой красоты передергивало от омерзения. Я тоже была далеко не в восторге от столь неожиданного знакомства. Да, мне нравятся брюнеты, да, именно с такими чертами лица, да, именно с голубыми глазами, но только если они смотрят на меня с любовью и обожанием. А здесь любовь и обожанием даже не пахло. Пахло неприятностями. Крупными неприятностями. И черная одежда брюнета только усиливала запах.

Люди, никогда не обижайте животных. Никогда.

– Попалась, мышка, – с усмешкой заметил мужчина.

Мы стояли в большом пыльном зале, посреди которого торчал заросший паутиной трон. На троне покоилась облезлая корона. Я снова перевела взгляд на брюнета и заметила, как с его прической происходит что-то странное. На его голове поднимались черные кошачьи уши, которые до этого момента были прижаты и сливались с волосами. Музыка в плеере все еще звучала. «Зачем топтать мою любовь? Ее и так почти не стало...»

– Прости... те... – выдавила я, отводя взгляд. Теперь мне было совсем не стыдно. Мне было просто страшно.

Однобокая усмешка превратилась в презрительную улыбку.

ку, а в мою сторону метнулась снизу черная змея. Она резко рванула мои наушники за провод. Телефон вылетел из кармана и разбился.

– Всегда мечтал это сделать! – заметил мужчина, наступая ногой на мой смартфон и с явным удовольствием давя его на каменных плитах пола. – Помнишь, мышка, ты мечтала увидеть настоящего принца?

Только не говорите мне, что вот это существо с недовольной физиономией – мой прекрасный принц! Нет! Нет! Нет! Такое чувство, будто я его купила в интернете! На картинке одно, а в коробке... Спасибо, я лучше снова займусь безобидным «коневождением».

– Так вот. Я исполнил твое желание. Больше мечтать не нужно, – усмехнулся брюнет. И рядом с ним появилось большое овальное зеркало, в котором отражалось мое крайне озадаченное лицо. У меня на плечах лежали руки с внушительными когтями.

– Теперь ты – принц. Твой трон, твоя корона, твой замок, – прошипел брюнет в черном. Зеркало исчезло. А змея спустилась к его ногам, слегка подергивая головой. Я отследила взглядом, откуда она выползает, и поняла, что это... хвост. Его хвост. Дайте переварить полученную зрительным путем информацию. У него есть хвост. Мужик с хвостом. Между ног болтается, на «х» называется. Хвост. Хвост лучше, чем хобот...

– А это, мышка, – ехидно сказал он, разворачивая меня

и слегка впиваясь когтями в плечи, – твои предшественники.
Прекрасные принцы.

Портреты красивых, молодых, мужественных мужчин на любой вкус, украшали собой целую стену. Такое чувство, что я запросила у Яндекса «самые красивые мужчины», а он вывалил мне кучу картинок. Прямо Аллея славы. Брюнеты, блондины, рыжие, шатены... Принцы всех мастей смотрели на меня с любовью и обожанием. Их объединяло только одно – у каждого на голове была знакомая корона.

– И где они? – спросила я, оглядываясь по сторонам.

– А ты подумай, моя мышка. Работа принца опасна и трудна... Посмотри на них внимательно... Верхний ряд пал смертью храбрых. Нижний – еще хуже...

– Что может быть хуже? – удивилась я, созерцая эту красоту. Вон тот блондин с зелеными глазами – просто сказка. Неужели такие бывают в природе?

– Женились! – рассмеялся когтистый брюнет, снова выпуская когти. Так, мне это не нравится.

– Хорошо, если я – принц, ты тогда кто? – спросила я, мельком бросая взгляд на кончик его хвоста.

– Я – твой крестный... – ответил брюнет, надевая мне на голову облезлую корону.

– Отец? – с ужасом поинтересовалась я, сразу представляя Дона Корлеоне, поглаживающего жирного кота холеной рукой с массивным перстнем. А вокруг него столпилась куча гангстеров с пистолетами.

– Хуже... Фей, – ответил хвостатый. Что-то явно не так я себе представляла крестных фей. Я думала, что феи – это такие милахи с крылышками, которые появляются в нужный момент, машут волшебной палочкой, и все сразу становится хорошо. Но мне что-то сейчас совсем не хорошо.

– А где твоя... ваша волшебная палочка? – вздохнула я, глядя на него, вспоминая детские мультики и страдая от мучительного когнитивного диссонанса. – И у меня есть предложение... Верни... те... меня обратно...

– Вертел я твое предложение на волшебной палочке, – лениво ответил крестный, сладко потягиваясь. – Я ответил сразу на два вопроса?

Глава вторая. Только песня совсем не о том, как не ладила Юля с котом

Если бы в моей жизни вдруг появился кот, то это был бы пушистый перс по имени Ксеркс. Персидский царь, думаю, претензий бы не имел, а котика – тем более. Соседи ласково называли бы его Ксероксом. «Юля! Твой Ксерокс опять „наксерил“ у нас под дверью!» – высказывали бы мне на каждом собрании жильцов. Зато владельцы соседских кошек предъявляли бы мне пушистые «ксерокопии». И так каждую весну.

Я снова украдкой посмотрела на крестного. Фей критично осмотрел мрачный и крайне запущенный зал со свисающей с потолка паутиной, потом бросил взгляд на меня и криво усмехнулся. Его хвост медленно поднялся, поправил один из висящих портретов, а потом снова лег на пол, ритмично подергивая кончиком.

Под портретами расположилась стеклянная и пыльная витрина, в которой лежала куртка, смахивающая на удлинённый мундир с золотыми шнурами, белые облегающие штаны и черные высокие сапоги-ботфорты. К костюму принца прилагался короткий белый плащ. Добро пожаловать на детский утренник!

– Переодевайся, Принц! – усмехнулся Фей, стирая пыль с витрины, – Теперь это – твоя рабочая одежда.

– А вас не смущает, что я... хм... девушка? – поинтересовалась я, глядя на кончик хвоста, которым он постукивал по полу. – Какой я на фиг принц? Это – шутка? Пошутили, и хватит!

– А с чего меня это должно смущать? – холодно усмехнулась Фей, снова наминая своими когтистыми руками мои бедные плечи. – Меня это даже радует. Жениться на принцессах не придется. Ты у нас – правильная мышка, и принцессы тебя интересоваться не должны. Думаю, что скоро мышка сама все поймет.

Его когти снова слегка впились в мои плечи. Я все понимаю, но мне неприятно! Фиг с ним, когда это делают маленькие лапки маленького кошастика. Ему простительно. Но когда большие мужские руки с длинными когтями – действительно напрягает.

– А у принца большое королевство? – тоскливо поинтересовалась я, прикидывая масштабы правления и пытаюсь убрать руки крестного с моих плеч. Ага, сейчас. Держи карман шире! Что за манера «наминать» меня когтями? Что это вообще означает? Я в кошачьих повадках не сильна и массаж с глубоким проникновением... когтей не заказывала.

– У тебя есть только замок, корона, меч, конь... – Крестный сладко вздохнул, наклонившись к моему уху. – И я.

Судя по сладкому «я», кот – это самое дорогое и ценное,

что у меня есть. «Я!» И морда, полная блаженства от осознания совершенства.

– А можно так не делать! – возмутилась я, чувствуя, как когти раз за разом слегка впиваются в мои плечи. – Мне, между прочим, больно!

– Я так успокаиваюсь. Не каждый день получаешь ботинком по...

Он выпустил когти. Кончик хвоста ритмично шевелился на полу. У меня сегодня тоже очень плохое настроение, и мне тоже очень захотелось успокоиться. Одно движение моей ноги – и когти моментально вонзились глубже. Я стиснула зубы от боли, едва сдерживая слезы. Потом когти резко пропали. На моих плечах лежали обычные человеческие руки. Без когтей.

– Мне тоже не помешало бы успокоиться, – усмехнулась я, убирая ногу с кончика его хвоста. И тут почувствовала, как меня что-то душит. Длинный черный хвост, только что душевненько отдавленный ботинком, обвился вокруг шеи и слегка сжал ее.

– Я не расслышал «успокоиться» или «упокоиться»? – донесся вкрадчивый голос. – Подурачились, и хватит. Переодевайся, Мышка. Нам предстоит много работы.

– А можно я в джинсах и футболке? – саркастически поинтересовалась я, снова поглядывая на кончик его хвоста. – Какая разница, в чем мир спасать? И вообще, какого черта? Я вообще не собираюсь никого спасать! Пусть спасают

себя сами! Хватит! Я всю жизнь кого-то спасаю! Верни меня домой, чучело-мяучело! У меня сестра на вокзале стоит! Ты пошутил, я посмеялась. Прости, пожалуйста, за то, что я тебя пнула. Каюсь, соболезную, сочувствую, но дуть на волшебную палочку категорически отказываюсь. Можешь даже ее не доставать.

– Так, не пи... – обиженный до кончика хвоста крестный выждал многозначительную паузу, – ... ши, Мышка, а просто переодевайся!

Я с недовольным лицом стала натягивать мундирчик поверх черной футболки. Он был мне велик. То есть как велик? «Пропала Мальвина, невеста моя...» Примерно настолько. Или принцы были богатырями, как на подбор, или я комплекцией не вышла. Но в этом есть и свои плюсы. В груди он точно не жал. Зато немного поджимал в коленках. Если растянутая мужская футболка отлично заменяет женскую ночную рубашку, то считайте, что у меня есть полноценный дизайнерский домашний халат. «С запахом». Куда бы вы ни поставили ударение в слове «запах», вы не ошиблись.

Ладно, теперь штаны. Отличные штаны. Просто великолепные! У меня есть две новости. Хорошая и плохая. Хорошая: я точно знаю, где перед. Плохая: после того, как я узнала, где перед, надевать я их не стану. Ни под каким предлогом!

– Что это за желтое пятно спереди в районе пуговичек? – с подозрением возмутилась я, демонстрируя Фею это непо-

требство.

– Понятия не имею, – саркастически заметил крестный, ни с того ни с сего заинтересовавшись портретами. Я тоже молча прищурилась на портреты. «И кто это сделал?» Принцы на стенке молчали, демонстрируя мне свои одухотворенные лица. Неужели вон тот красивый брюнет с грустными карими глазами? Или златокудрый сероглазый херувим? Про верхний ряд я вообще молчу. О покойных либо хорошо, либо ничего. А вот нижний... И ведь стыдно на кого-то подумать! Все такие прекрасные.

Штаны сразу откладываем. Останусь в джинсах.

Когда говорят: «Размер имеет значение», то имеют в виду не только одежду, но и обувь. Сапоги сорок пятого размера порадовали тем, что у меня тридцать восьмой. Такое чувство, словно я собралась на рыбалку! Сапоги до подмышек у меня уже есть! Потные, вонючие мужские сапоги. Сейчас червей накопаем и удочкой обзаведемся. Может, осторожно поинтересоваться у котофея, не хочет ли он рыбки? Не интересуется ли подледной рыбалкой? Просто меня очень обнадеживает его хвост. Я с удовольствием буду совковой лопатой выковыривать орущего котешку вместе с примёрзшими причиндалами из ледяного плена. И пусть только попробует сказать, что клева нет. Клево будет, но не ему. Я же говорила, что котик мне сразу не понравился. И, судя по «доброму» взгляду, он тоже на меня слегка обижен.

– И? – с издевочкой спросила я у Фея. – Главное, чтобы

костюмчик сидел?

Фей посмотрел на меня, вскинув бровь, и скривился. Хвост, который до этого мерно подрагивал, внезапно застыл на месте.

– Я готова работать, засучив рукава! – с ехидцей заметила я, потрясая своей «смирительной рубашкой». – Итак, сильно я похожа на принца? Или ты сейчас «феячишь» мне приличный костюм – или «нифея» я делать не буду!

Кот плавно скользнул ко мне. У него оказалась очень странная походка. Абсолютно бесшумная и при этом очень грациозная. Не каждая девушка умеет так ходить. Вопрос о кошачьей ориентации мы пока отложим.

– Так... – задумчиво промурлыкал Фей. Его хвост обвился вокруг моей груди.

– Девяносто четыре... – заметил он, слегка прищурившись и закусив губу. – Я бы взял с запасом. Девяносто пять. С учетом белья... Девяносто семь. Отлично. Чтобы ты дышать смогла. Талия у нас...

Хвост обвился вокруг моей талии.

– Семьдесят... Возьмем семьдесят пять. Приталенный. Так, что у нас дальше? Бедро. Восемьдесят восемь. Отлично! – задумчиво пробормотал крестный. Его зрачки внезапно расширились, а потом сузились до поперечной щелки.

– Готово... – усмехнулся Фей, делая шаг назад.

Что это было? На троне лежал чистый костюм МОЕГО размера, а возле меня стояли симпатичные сапожки. Удушья

ющий запах мужских потных ног прекратил раздражать мои рецепторы. Он исчез вместе с желтым пятном. Я недоверчиво посмотрела на крестного.

– Так ты и на машинке вышивать умеешь? Теперь осталось понять, крестиком или гладью! – противно заметила я, поднимая бровь и примеряя «обновку» с чужого плеча, – Как ты это сделал?

– Я просто сказал: «Ээни-бэни-раба»! И мысленно щелкнул хвостом! – гаденько усмехнулся Фей, отворачиваясь.

Зачем принц? Зачем меч? Если он действительно на машинке шить умеет, то мы сразу ателье откроем. Я принимаю заказы, он сидит и шьет, как китайские подвальные рабочие. Без сна и отдыха, криво пристрачивая этикетки: «Armani» и «Dolche Gabon». Мы должны держать марку! Фирменные торчащие нитки и кривой шов – вот лицо нашего бренда! Не считая угрюмой кошачье-человечьей морды лица.

– Что дальше? – поинтересовалась я, представляя, как в том мире бедный «мамин котенок» исходит в лоток, набирая мой уже не существующий номер. – И вообще, я кушать хочу. Я с утра только кофе пила... А не мог бы ты «нафеячить» что-нибудь съедобное? Просто работать на голодный желудок я не привыкла.

– Нафеячить съедобное? – переспросил Фей, превратился в кота и исчез. Через пять минут он появился, таща в зубах... полудохлого голубя. Голубь раскинул крылья, последний раз дернулся и затих.

– Итак, – гадливо произнес кот, выплевывая птичку, – будем делить поровну или по справедливости? Хорошо, давай поровну. Вдоль или поперек?

– Убери эту орнитозную дохлятину отсюда! – заорала я, пытаюсь подавить приступ брезгливости. Меня с детства передергивает от мёртвых зверюшек. Бе!

– Могу мышь поймать на десерт. Только что там той мышки? На два укуса... – ехидно заметил кот, прижимая лапой добычу.

И снова превратился в человека, сплюнул перышко, сжимая в когтистой руке дохлую птичку. У птички на лапке была какая-то бумажка с печатью из сургуча. Фей равнодушно оторвал ее вместе с лапкой.

– «Это – наше последнее предупреждение. Если ответа не будет, то мы объявляем вам войну!» – зачитал он, оторвав печать и бесцеремонно развернув послание.

– Это нам? – напряглась я. Не хватало еще войны!

– Нет, не нам. Просто мимо пролетал. – Крестный смял и выбросил «последнее письмо» вместе с тушкой. – Покойся с миром, птица мира!

– Ты в «Почте России» случайно не работал? – ошарашенно поинтересовалась я, вспоминая, какой процент посылок ко мне дошел и в каком виде.

– Я сделал все, что мог. Бесплатно у нас только голуби. Заметь, этот жирный, почтовый. Ладно, потом доем... Пусть пока полежит. – Фей облизал губы и сладко зевнул, прикры-

вая рот когтистой рукой. – Обмякнет...

– И как часто ты голубей ешь? – скривившись, спросила я, глядя на комок перьев в углу.

«Это я почему такой злой был? Потому что голубей ел, а как перешел на сухие корма, так сразу добреть начал! Мяу!»

– Иногда я балуюсь мышами, – саркастично ответил Фей. – Если хочешь, можешь сидеть, сложа лапки, моя Мышка, но тогда придется сменить гастрономические предпочтения.

– За что? – взвыла я, закрывая лицо руками. – За что мне все это?

– Это – месть. Послушай меня внимательно, моя Мышка. Ты отнеслась ко мне, мягко говоря, по-свински. Сорвала на мне злобу на своих дорогих родственников. А я тебе, если ты не заметила, жизнь спас. Ценой одной из своих жизней. Вместо того чтобы взять домой бездомного кота, накормить и обогреть, ты пнула его. И когда я сдыхал на асфальте, ты ко мне даже не подошла. Спасибо тебе, огромное. В том мире ты бы была бы моей хозяйкой. В этом мире я – твой хозяин. Считай это кошачьей мстью. Так что хочешь ты или не хочешь, но тебе придется остаться здесь. Потому что я так сказал! – зловещим голосом произнес крестный. – Но если ты будешь себя хорошо вести и слушать меня, то у тебя будет все, что ты только пожелаешь. И мягкая постель, и слуги, и красивый дворец. Так что давай, Мышка, решай.

– А как же мама и Настя? – тоскливо спросила я, с некоторым наслаждением представляя, как «мамин котенок» молча тащит сумки на лавочку, проклиная меня на чем свет стоит. – Они же без меня пропадут.

Если честно, то я была в некотором замешательстве. С одной стороны я испытывала невероятное облегчение оттого, что у меня есть железное алиби и не придется больше нянчиться с «котенком», выслушивая постоянные упреки мамы. Посещали меня, сознаюсь, нехорошие мысли слинять за границу, спрятаться и сделать вид, что меня нет. Да что там «посещали»! Я мечтала об этом, когда видела на экране знакомые лица, активно трезвонящие мне в уверенности, что я сейчас сорвусь, все брошу и побегу решать чужие проблемы.

А с другой стороны... Я закусила губу и снова посмотрела на Фея. Потом перевела взгляд на трон в паутине.

– Пропасть может только голубь, если мы его до завтра не съедем, – сардонически заметил Фей, подергивая хвостом. – И аппетит, если он полежит еще немного и начнет благоухать. Я тебе скажу вот что, Мышка...

Он подошел почти вплотную, приподнял когтем мой подбородок и заглянул в глаза.

– Родственники хорошо на тебе покатались? – выдохнул он, а потом усмехнулся. – А теперь пусть дружно слезают и учатся ходить пешком.

– Я так понимаю, выбора у меня нет, – вздохнула я, поглядывая на голубя. – Ладно, принц, так принц. Бред какой-то,

честное слово. Что делать надо?

– То же самое, чем ты занималась всю жизнь. Только за хорошее вознаграждение. А теперь смотри внимательно! – зловеще произнес Фей, и перед нами появилось огромное черное зеркало. – При помощи зеркала ты поначалу будешь искать работу. Смотри сюда, Мышка.

Кот провел рукой по зеркалу, и тут же высветился маленький список.

– Так, этот лот уже не актуален. Сожрали принцессу. Этот тоже не актуален – не дождалась, вышла замуж за какого-то бродячего музыканта. Этот лот... Хм. Не подходит. Требуется опыт работы и перечень контрактов за год. У нас опыта пока нет. Смотрим дальше, – мурчал кот, прищурившись. – Вот. Отличный лот. Старый, правда, но пока что еще актуальный. Опыт работы не требуется. Кто угодно. Отлично. Пусть доверят дело профессионалам. Залог не требуется. Контракты за предыдущий период не нужны. Награда – полцарства, рука принцессы и... сумма неплохая. Время подачи заявок не ограничено. Документы в приложении.

– Это че? Тендер, что ли? Тендер на спасение принцессы? – прокашлялась я. Фей засунул лапу в зеркало, словно в воду, и вытащил какой-то пергамент.

– А ты что думала? Просто так? Пришел, увидел, спас? – усмехнулся крестный, глядя на меня, как на дурочку. – Это раньше все было просто. Стоило кинуть клич, как выстраивалась очередь от забора до обеда. Пока со всеми прово-

дили собеседование, принцесса была съедена, королевство завоевано, а зло торжествовало. Частенько получалось, что побеждал какой-нибудь неграмотный крестьянин, которому случайно подфартило. А потом сидит новый король и крестики на документах ставит, ибо «грамоте не обучен». Вся экономика коту под хвост. Ладно, заполняем документы.

Бумажка зависла перед лицом крестного. Невесть откуда в воздухе появились чернильница и перо.

– Имя? – спросил Фей, глядя на меня оценивающим взглядом. – Пусть будет – Юлиан. Звучит солидно. Дальше. Возраст? Двадцать восемь. Рост, вес, объем бицепсов – поля необязательные. Мы их пропускаем. Положительные качества? Смелость, отвага, мужество, решительность, умение быстро ориентироваться в нестандартной ситуации, доброта, отзывчивость, коммуникабельность. Отрицательные качества? Настойчивость, упрямство, педантичность. Образование. Высшее аристократическое. Происхождение? Королевское. Отлично. Заявка заполнена. Расписывайся.

Я поставила свою корявенькую роспись. Крестный свернул документ в трубочку и отправил обратно... в зеркало.

– Внимание! Заявка одобрена! – икнуло зеркало. – Можете приступать к спасению.

– Вуаля! Итак, читаем техническое задание. Хм... Бедная принцесса заперта в башне. Спасти и доставить родителям. Карта приблизительного местонахождения Башни прилагается, – заметил Фей, скривившись. – Если все пройдет удач-

но, то голубя выбросим. Давай, тут недалеко.

Перед моим носом развернулась карта, похожая на лоскутное одеяло. Десяток мелких королевств ютились, слипшись, как переваренные макароны в дуршлаге.

– Вот и весь мир... Множество маленьких королевств. Множество принцесс и принцев. Работа всегда найдется, – тихо промурлыкал Фей, но тут же язвительно добавил: – А за работу полагается награда. Я же – крестный фей? Я должен позаботиться о своей подопечной. Моя Мышка не должна сидеть холодной и голодной в старом обветшалом замке. Это – моя святая обязанность, как крестного... фея. Мы – здесь. Скакать – сюда. Да тут пешком дойти можно! Давай, принц, пошли знакомиться с конем.

В стойле стоял оседланный белый конь. Хорошее начало, не так ли? Но не для меня. Пусть я и специалист в «конеководстве», но наездница никудышная.

Конь посмотрел тупым взглядом и демонстративно отвернулся.

– Залезай, – усмехнулся Фей, пока я читала имя, написанное над стойлом: «Буцефал». Отлично и совсем неоригинально.

Я попыталась взобраться на коня. Конь дернулся, и я рухнула вниз. Посадка была мягкая. Прямо в навоз.

– Мяу-мур. Второй тур. Принц на белом коне, в конском гов... – саркастически заметил крестный, поигрывая хвостом и глядя на мои попытки оседлать лошадку. – Говорю

тебе, не с той ноги начинаешь!

Я стряхнула с себя навоз, взглянула на седло и стремяна, а потом решила последовать совету и начать с другой ноги.

– Стоять на месте, Анацефал! – злобно прошипела я, закидывая ногу в седло. И снова конь дернулся, и я упала. Догадайтесь – куда? Правильно!

– Так, Имбецил! Я не шучу! Стоять ровно! Не дергаться! – возмутилась я, снова поставив ногу в стремя. Да что ты будешь делать! И снова я на земле. В конском гов... Говорили мне, что лучше принц на белой иномарке! Так! Только не это! Опять!

– Энцефалит! Стоять! – рывкнула я, дергая поводья. – А ты чего смотришь и улыбаешься?! Подсади меня! Или нам придется ковылять пешком!

– Мышка, я при любом раскладе пешком не пойду, – заметил Фей, превращаясь в кота и запрыгивая мне на руки, а потом перебираясь воротником на шею. Я его бесцеремонно сбросила... в навоз. Несмотря на оказанное когтистое сопротивление.

– Вообще-то это ты меня должен на руках носить, а не я тебя, – ядовито заметила я, глядя в недобрые глаза котешки. – Ты мне все руки исцарапал! А вот после того, как ты тут валялся, я тем более тебя на руки не возьму! И с удовольствием посмотрю на то, как ты сейчас будешь вылизываться. Приступай! Займись, любимым кошачьим делом.

Кот подошел ко мне и стал нагло вытираться о мои но-

ги, за это был пойман за шкуру. Через пару мгновений за шкуру была поймана я. Он держал меня на вытянутой руке, как котенка.

«Только песня совсем не о том, как не ладил Юля с котом!» – промелькнуло в голове, когда мои ноги оторвались от земли.

– Мышка-Мышка, а ты – отважная, – нехорошо заметил Фей, усмехнувшись. – Твое поведение огорчает меня.

Котэ негодует! Я как-то тоже не рада, когда не я кота мордой тыкаю в кашку, а он – меня.

– Давай для начала определимся. Ты – кот, принимающий образ мужика или мужик, принимающий образ кота? Для меня разница принципиальна! – холодно заметила я, глядя ему в голубые глаза.

– Хорошо, определимся. Ты гордая, независимая, одинокая потому, что ты никому не нужна, или тебе никто не нужен потому, что ты гордая, независимая и одинокая? Для меня разница принципиальна! – с моими же интонациями заметил Фей, высверливая меня взглядом. Таким взглядом только дырки в скворечниках делать!

– А я имею право не отвечать на этот вопрос? – поднимая брови, спросила я.

– Точно так же, как и я имею право не отвечать на твой, – с гаденькой усмешкой заметил крестный. – Или мы едем, или едим. Обед в замке на полу. Приятного аппетита. Ты – первая. Я просто ощипывать не люблю. Голову лучше сразу ото-

рвать и выбросить.

– Едем, – сдалась я, почувствовав, как меня подсаживают на коня. Один – ноль в мою пользу. И один – ноль в пользу мужчины.

Какой-то я совсем недобрый принц. «Ты – не ты, когда голоден!»

Фей открыл ворота, а потом превратился в кота и запрыгнул мне на плечи, ложась пушистым воротником. Один-один. Ничья. По всем параметрам.

– Может, ворота закроем? – предложила я, слушая, как они хлопают на сильном ветру, и принимаюхаясь. Странно, но здесь почему-то темно. Вроде бы времени прошло совсем немного, а уже темнеет. Или сегодня просто день такой пасмурный?

– А у нас есть что воровать? – поинтересовался кот, сладко потягиваясь и впиваясь когтями в мою одежду. Я приняюхалась. Это либо я так пахну, либо кот. Либо мы вместе благоухаем конюшной.

Ехали мы ме-е-едленно. Со скоростью больной улитки. Просто быстро я ездить не умею. На дороге нас обогнал какой-то крестьянин с огромной охапкой хвороста.

– Извините! – поинтересовалась я, обращаясь к нему. – Не подскажите, как проехать...

Мужик испуганно посмотрел на меня и хмуро выдал:

– Идите лесом!

Он ускорил шаг и очень скоро скрылся из виду, роняя

по пути мелкие веточки.

– Вот я понять не могу, «идите лесом» – это ориентир или меня деликатно послали? – поинтересовалась я, провожая взглядом местного Сусанина. – При условии, что он не дослушал, у меня есть предположение, что все-таки послали...

– Правильно он тебя послал... – сладко улыбнулся кот. – Башня где-то вон в том лесу находится.

– Тебя вообще как зовут? – поинтересовалась я, шевеля плечом. – Да-да, воротник, это я к тебе обращаюсь.

– Смотря кто, смотря куда, смотря зачем, – язвительно ответил котофей, впиваясь в плечо коготками и блаженно сопя мне в ухо.

«Борис! „Китикэт“!» – промелькнуло в голове. И тут же к миске устремился откормленный котэ, радостно всасывая в себя ее содержимое.

– И все-таки? – настаивала я, желая знать, чье имя вношу в черный список.

– Не скажу, – зевнул кот, потягиваясь на плече. – Тебе это знать совсем необязательно.

– Отлично! С этого момента будешь Мурзиком! Поздравляю! – оживилась я, чувствуя, как когти впились в меня еще сильнее. – Так вот, о чем мы с тобой так мило беседовали, Мурзик? Не напомнишь мне, Мурзик?

– Какой я тебе Мурзик? – возмутился кот, встрепенувшись. А! Зацепила!

– Тогда Пушок! Хотя нет... Ба-а-арсик! Ба-а-арсик! Ба-а-

abuшкин Ба-а-а-р... – противным голосом протянула я, пытаясь его погладить. Кот цапнул меня за палец и зашипел. Я выругалась, вырывая свой палец у него из пасти.

– О! Отлично звучит! Барсук! Вроде бы и Ба-а-арсик, но еще та су... – съехидничала я, но тут же продолжила: – ...дя по всему, мы еще сутки будем добираться. Как насчет Акакия? Судя по запаху – в самый раз...

Кот сполз по моей спине, цепляясь когтями, и тут конь встал на дыбы и припустил галопом. Я еле удержалась в седле. Ничего себе!

– Теперь точно не скажу, – заметил кот, снова на ходу взбираясь мне на шею. Конь скакал галопом, а я пыталась его остановить.

Пусть это была и самая быстрая скачка в моей жизни, но зато через пять минут мы оказались в каком-то дремучем лесу. Ничего себе, до сих пор сердце колотится!

– Слезай, покаталась! – язвительно заметил кот, разглядывая мрачный лес.

– Слезай, покатался! – передразнила я, стряхивая кота на землю. Вот мы и приехали.

Я стала сползать с припаркованного на лесной опушке коня, чувствуя, что понадобится время, чтобы окончательно прийти в себя. Коня я предусмотрительно привязала к дереву. На случай, если этот Имбецил попытается сбежать. Я почему-то подумала, что его могут украсть, а потом махнула рукой. Воруйте на здоровье.

– Где-то здесь. По предварительным, но не уточненным данным, в радиусе двух – трех километров должна быть старая башня, – заметил котофей, снова запрыгивая мне на плечо и укладываясь воротником на шею.

Поисково-спасательная экспедиция имени меня плутала по непролазным дебрям почти в полной темноте. Кот сладко зевал, язвительно комментируя мои попытки пробраться сквозь непролазную чащу.

– А за деревом дерево... А за деревом дерево... А за деревом дерево... Вот, наверно, весь лес... Нет, тут еще одно дерево... А за деревом дерево... – с непередаваемыми интонациями ерничал кот, сладко зевая, пока я, хрустя сучьями, раздвигая ветки, искала обиталище принцессы. Если бы не жалость к бедняжке, то я бы уже сдалась и послала кота с его сарказмом псу под хвост. Мне кажется, что там он еще никогда не был, поэтому ему будет очень интересно.

– Она там, бедненькая, страдает, мучается, ждет тебя... – сладенько заметил кот, щекоча меня длинными усами. – Столько лет страдать... Несчастливая женщина... Это ж надо столько сидеть? От звонка до звонка!

– Все, блин, с меня довольно! – выругалась я, пытаюсь скинуть кота, но он вцепился в меня всеми четырьмя лапами. В желудке было пусто, настроение тоже куда-то улетучилось. Хотелось бросить все и завязать с карьерой «принца» как можно скорее.

– Голубиное мясо похоже на курицу... – сладенько заме-

тил кот на ухо, когда я присела передохнуть под первым попавшимся деревом. – Это я тебя так утешаю...

Я молча встала и снова побрела по лесу, отгибая ветки и перелезая через поваленные деревья.

Где-то через полчаса я, наконец, увидела старую, почерневшую и замшелую башню. Выйдя к ней, стала искать вход. Или выход. Обойдя башню несколько раз вокруг, поняла, что ни входа, ни выхода нет.

– Эй! Есть, кто живой? – хрипло поинтересовалась я. Тишина...

Вот так всегда. Не дождалась...

Глава третья. Как принц к успеху шел

И тут прямо из башни, из маленького окна, вниз упала какая-то лохматая толстая веревка. Как-то совсем неожиданно. Я уже уходить собралась, а тут на тебе! Я мысленно прикинула высоту. Приблизительно – трехэтажный дом. Отвесная стена. Вербка. Нет! Сразу нет!

– Да тут не принца, тут МЧС надо вызывать! И лестницу пожарную! – тоскливо заметила я, вспоминая, когда в последний раз лазила по канату.

– Так ты и есть МЧС. Учти, Мышка, я помогать не буду. Я тут посижу, подожду, чем дело кончится, – заметил котофей, принимая человеческий облик. – Итак, попытка первая.

Я посмотрела наверх, подошла и подергала за веревку, руководствуясь принципом: «Дерни за веревочку – дверь откроется!». Откуда-то сверху снова раздалось нечленораздельное мычание. Я бы сменила звонок на какое-нибудь мелодичное: «Делинь-делинь». Как у меня дома, например.

Ладно, сейчас будем вспоминать, как это делается. Фу! Так это не веревка, а чьи-то волосы! Причем, грязные, спутанные и... вшивые... Брр!

– Нет, я туда не полезу! – категорически заявила я, брезгливо вытирая об себя руку и отходя подальше.

– Пара белых голубей, словно крик души моей, – со сладким стоном гурмана заметил Фей, расположившись под деревом. – Думаю, что одного голубя будет маловато. Не переживай, Мышка, второго я быстро нарисую. На халяву и голубь – перепел!

Я присмотрелась к окрестностям и вдруг заметила, что под башней валяются черепа и кости. Этот филиал кладбища совсем не обнадежил. Что-то подсказывало, что полцарства и руку принцессы просто так не дают.

– Девушка, – хрипло обратилась я к обладательнице лохматой шевелюры. – Высуньтесь на минутку! Я хочу обсудить с вами план вашего спасения. Главное – вы не паникуйте! Все будет хорошо! Я сейчас вас спасу! Сохраняйте спокойствие! Помощь уже близко!

После нечленораздельного мычания в маленьком окошечке появилась заплывшая жиром рука, а следом попыталась протиснуться, но так и не пролезла толстая физиономия. Джабба Хатт сильно погрузтел.

Я зажала рот рукой и простонала. Теперь понятно, почему заявку одобрили так быстро. «Коль спасете вы девицу, то обязаны жениться! – залихватски выдал в воображении поручик Ржевский, а потом осторожно прибавил: – Не обязательно на ней! Просто... жениться...»

– Мой прекрасный юный принц! Это ты? – с надеждой поинтересовался сиплый женский голос.

Откликаться почему-то не хотелось. Хотелось притаиться

и разучиться дышать. Мои предшественники, очевидно, так и делали. Сразу же прижимались к стеночке, а потом бочком-бочком к коню, а дальше домой, в надежде забыть это приключение как кошмарный сон!

– По-моему, это – любовь с первого слова, – тихо и язвительно заметил крестный, глядя наверх. Потом вопросительно посмотрел на меня и сладким мужским голосом, от которого у меня самой что-то в душе срочно запросило объятий и поцелуев, громко добавил:

– Да, любовь моя, это я! Я скакал три дня и три ночи, чтобы вызволить тебя...

– Ты пришел, чтобы меня спасти? – оживился сиплый голос, прокашлявшись. – Я столько лет тебя ждала... Так страдала, так страдала...

– Да, милая! – громко и сладко заметил Фей, с нескрываемым садизмом глядя на притаившуюся под окном меня. – Я здесь именно для этого! Иди ко мне на ручки! Прыгай, любовь моя, я тебя поймаю! Я тут, как раз стою под твоим окошечком. Только сильно не разгоняйся. Просто шагай из окна мне на ручки... Я тебя ловлю, моя маленькая!

Я с ужасом посмотрел на Фею, а потом наверх, отрицательно замахав ему руками и покрутив пальцем у виска. Лучшим решением было отойти от б Башни на безопасное расстояние и встать рядом с хвостатым «соблазнителем».

– Сейчас, сейчас! Я тут немного покушаю... А то я так разволновалась! – заметил голос из окошка и стал чем-то

громко хрустеть и чавкать, а потом с явно набитым ртом добавил. – Фы только не уходи, любофь моя. Погоди, я шейчас прожую... Я штолько лет ждала, глаш не шмыкала!

– Я столько лет жрала, рта не закрывала... – саркастиче-ски передразнил ее крестный, не сводя взгляда с башни. – Мышка, если ты подумала, что ее лучше извлечь «по частям», то напоминаю, что принцессу нужно доставить живой, здоровой, целой и невредимой. Иначе нам фиг что обломится!

– Я о таком даже не подумала! – возмутилась я, жалея бедную узницу и тихо ненавидя Фея.

– Значит, я подумал. – Фей лениво посмотрел на меня сапфировыми глазами и положил когтистую руку на мое плечо. Ай-я-яй! Да что ж такое! Надо узнать, когда у него день рождения, и подарить когтеточку. Если он скажет, что оно было неделю назад, я этого не переживу!

Я сглотнула и взглянула наверх. Фей спрятал когти и подтолкнул меня вперед, мол, дерзай, принц!

– Слушай, кот в... – Я посмотрела на его красивые черные сапоги с кучей застежек. – В сапогах... Может, ты сам полезешь туда, поговоришь с девушкой, спасешь ее, а я тут скромненько в сторонке постою?

– Мышка, – склонился ко мне Фей, нехорошо заглядывая в глаза. – Ты – принц. Я – фей. Каждый выполняет свою работу. Нифея я за тебя делать не собираюсь. Так что давай, работай!

Внезапно из башни раздался взволнованный голос:

– Я уже все, любовь моя! Сейчас попробую вылезти...

Из окошка появилась рука, следом попыталась вылезти голова.

– Не получается, любовь моя! Окошечко слишком маленькое! Я не знаю, что мне делать... – произнес расстроенный женский голос. И снова раздалось громкое чавканье.

– Жрать на полведра меньше... – тихо заметил крестный, снова сладко впиваясь когтями в мое плечо. – Да, Мышка? Нам с тобой это не грозит, не так ли? Такими темпами голуби не просто войдут, а еще и прочно закрепятся в нашем меню. Скоро ты будешь по вкусу определять возраст голубя и его пол.

– Сплюнь! Давай лучше ты мне поможешь! Нечего меня когтями наминать! – возмутилась я, чувствуя, что пока кто-то там от горя что-то хомячит, у меня в животе тихо урчит. Ай! Ну что же он делает? Ну так же нельзя...

– Не-а... – лениво заметил он, глядя, как принцесса предпринимает еще одну попытку протиснуться. – Я все еще на тебя обижен. Ты чувствуешь глубину...

Я чуть не ойкнула от боли.

– ... моей обиды? – сладко и с придыханием добавил крестный. – И глубину...

Да что ж такое!

– ... своего раскаяния? – шепотом заметил крестный, наклонившись к моему уху.

– Нет, не чувствую. После каждого твоего «массажа» я начинаю понимать, что надо было пинать сильнее... Ай! – простонала я, чувствуя его дыхание на своей щеке.

– Передохнула? Давай, вперед! На штурм! Желательно с криком «Ура-а-а!» – гаденько усмехнулся он, слегка подталкивая меня.

Я смотрела на башню, прикидывая, как вызволить оттуда несчастного бегемотика. Мне ее было искренне жаль. Итак, что у нас есть? Есть старая замшелая башня, в которой сидит большая-пребольшая принцесса, которая жаждет большой-пребольшой любви и наверняка ест большую-пребольшую котлету... У меня потекли слюни. Юля, думай о голубе... Фу! Аппетит пропал. Можно лезть.

– Мне так плохо! Так одиноко! – раздались всхлипы. – Крыша совсем прохудилась, отовсюду течет...

– Крыша, – осенило меня, когда я бросила взгляд на старую черепицу. – Ладно, я полезла. Есть у меня одна идея.

Я подошла к ее волосам, поднапряглась и полезла наверх, отдав крестному корону, которая постоянно слетала с головы.

– Ты там скоро, любовь моя? Мне не терпится тебя обнять! – доносилось сверху, – Я обниму тебя крепко-крепко... Просто сожму тебя и...

Я почти долезла до высоты второго этажа, чувствуя, что руки перенапряглись до предела. Снова попыталась подтянуться, но мышцы уже дрожали от напряжения, а пальцы

слабели. Все! Потные ладони соскользнули. Привет земля, прощай копчик! А может быть, даже и позвоночник.

Но упала не на землю, а на руки. И не на свои. Сразу же отблагодарив спасителя ударом по голове локтем. Не нарочно, просто очень удачно попала.

– Мы сольемся в едином любовном порыве! – томно и сипло выдохнула сверху красавица, явно с целью вдохновить меня на подвиги, – Да что там! Я просто сдеру с тебя одежду, и мы будем любить друг друга...

– Хрустнули кости, чавкнула бездна. Бедного Принца спасти бесполезно! – язвительно произнес крестный, все еще держа меня на руках.

Я закашлялась и осторожно перевела взгляд на спасителя, увидев прижатые уши и тяжелый красноречивый взгляд.

– Извини... – виновато заметила я, протягивая руку к его голове, словно собираюсь погладить, а потом отдернула и гаденько добавила: – Что мало...

– Принц! При-и-инц! Ты где? Почему ты еще не здесь? – сладострастно заорала принцесса. Откуда-то из ветвей вспорхнула стая черных птиц и устремилась вглубь сумрачного леса.

– Мышка, ты доиграешься! – тихо заметил крестный, но тут же громко, с придыханием сообщил: – Прости, сладкая моя, у меня сейчас руки... заняты. Ты не молчи... Не молчи... Я жду не дожусь этого прекрасного момента! Потерпи немного, но пока не раздевайся. Я раздену тебя сам!

Он наклонился, приближаясь своими губами к моим, словно желая поцеловать.

– Я уже представляю, как ме-е-едленно снимаю с тебя одежду... Я расстегиваю пуговку за пуговкой, страстно целую тебя в твои сладкие полуоткрытые губы... Я буду очень... очень... нежным... – с придыханием заметил он, склоняясь ко мне так, словно сейчас перейдет от разговоров к делу и к телу.

Через секунду я лежала на траве, потирая ушибленную попу, а он с гаденькой улыбочкой стоял надо мной, отряхивая руки.

– Давай, штурмуй башню дальше, принц. Вторая попытка. Тебя там ждет море любви и обожания! – негромко заметил крестный, со смехом отворачиваясь. Кошачью подлость я взяла на заметку. Ничего, я в долгу не останусь. Если что, нагажу в сапог. Специально дождусь, когда снимет, и нагажу.

Передохнув, я снова схватилась за чужие волосы и два раза подтянулась на руках, сплетая ноги. Да, я очень голодный и упрямый принц. Тем более что там есть котлеты. Надеюсь, что еще остались. В верхушках деревьев зашумел ветер. Сильный порыв покачнул меня вместе с волосами.

– В юном месяце апреле... а-а... в старом парке тает снег... И крылатые качели начинают свой разбег... – мелодично промурлыкал крестный с наслаждением наблюдая за моими потугами, в очередной раз демонстрируя осведомленность в кинематографе и фольклоре моего мира. Он

осторожно толкнул меня в спину. Я почувствовала себя так, словно мне пять лет и я играю на детской площадке.

Простонала и упала на траву, намотав на кулак чужую шевелюру.

– Любовь моя, – заметил крестный с сардонической улыбкой, обращаясь явно не ко мне, – помоги мне немного. Я просто стораю от страстного желания... Я уже все руки натер...

И меня втащили навверх со скоростью, которой позавидовал бы мощный грузовой лифт. Упитанные руки активно тянули меня навстречу неизбежному. Фей изобразил гаденькую улыбочку и послал воздушный поцелуй. Еще рывок, и возле окна мое тщедушное тельце приняли две сильные ручищи.

Передо мной стояла дама неопределенного возраста, но вполне определенной комплекции. Смущала не только разница в весовых категориях, но и огромный нож, зажатый в пухлой ладошке.

«Купила я тесак мясницкий. И если следующий мужик, познав меня, цинично бросит, то я ему отрежу...» Утешало только то, что матушка-природа позаботилась о том, чтобы отрезать у меня было нечего!

– Иди сюда, мой сладкий! – выдала принцесса, пока я смотрела на груду костей и одежды, сваленных в углу ее скромной обители. Я резко дернулась в сторону старого шкафа, взобралась по нему на самый верх, лихорадочно сообра-

жая, куда дальше? А дальше некуда.

Поигрывая ножом, как заправский мясник, принцесса двинулась в мою сторону, прищурив глаза. Смотрела она на меня так, как покупатель на мясную вырезку. «Ляшка, голяшка, филе, шейка...»

Под окном раздалось:

– Мышка, я что-то проголодался. Ты пока спасай, а я домой схожу. Голубя проведу... Он лежит там, бедненький, один, коченеет... Ты, главное, не пропадай! Держись, я мысленно с тобой...

Я посмотрела на принцессу, которая, закусив губу, прикидывала схему моего шинкования, потом бросила испуганный взгляд на потолок. Толстая деревянная перекладина, на которой держится прохудившаяся крыша, притягивала испуганный взгляд. Оттолкнувшись от шкафа, который пошатнулся под ногами, я допрыгнула до перекладины, вцепившись в нее двумя руками, подтянулась с глухим стоном, закинула ногу и легла на доску. Нет, не допрыгнет. Я посмотрела вниз и зажмурилась, вспоминая, с каких пор Рапунцель занимается каннибализмом?

Принцесса достала откуда-то большой грязный котел, развела огонь, пустив на растопку обломки стула.

– Сиди, сиди! – хладнокровно заметила она, выливая в котел ведро воды. – Вода закипит, тогда можешь слезать...

С деловым видом принцесса закрыла ставни окна на засов. Судя по всему, схема была уже годами отточена. Это я,

наивная дурочка, попалась.

Поковырявшись в каких-то закромах, принцесса достала мешочек с солью и стала высыпать его в котел.

– Ты там сильно вспотел? – озабоченно поинтересовалась она, прикидывая, сколько еще соли сыпать, и принялась отскребать ножом какой-то мох со стены. Мох полетел в котел.

– Да нет, не сильно! – сардонически заметила я, глядя на то, как от котла пошел пар.

– Что-то голос у тебя какой-то девчачий. – Принцесса подозрительно подняла глаза наверх, не переставая помешивать варево.

– Так я – девушка. Я просто исполняю обязанности принца, – едко заметила я, облачиваясь на трухлявую перекладину. – Перевелись принцы, вот и впряглась. Принца нет, я за него!

– Дожили! – вздохнула принцесса, тяжело присаживаясь на уцелевший стул. – Баба бабу спасает. А как же приятный мужской голос?

– Это скот... Тьфу ты... Кот! – отозвалась я, представляя, как крестный с наслаждением хомячит голубя в замке. «Суп с котом!» – подумала с мерзкой улыбкой, глядя в закипающий котел.

– Понятно, – вздохнула принцесса, снова помешивая воду, которая слегка позеленела. – Ладно, пока закипит, можем поболтать немного...

– Кстати, тебе скоро крышка, – заметила я, ковыряя паль-

цем гнилую крышу. – Крыша на тебя рухнет. Давненько ее не ремонтировали... Сразу видно, мужика в доме нет...

– Я сама, пока была половчее, залазила туда, конопатила. Так что ты там сильно не отдирай, – грустно отозвалась принцесса, пробуя варево на вкус, а потом досыпая туда соли. Недосолила.

– Молодец! Уважаю. А это дырка для сбора дождевой воды? – поинтересовалась я, глядя на разохшееся полупустое ведро, стоящее на полу, и на тонкий желобок, идущий с крыши.

– А как ты догадалась? Если тебе не трудно, поковыряй ее немного, а то совсем забилась! – попросила принцесса. – Дождей и так нет, а тут еще мхом заросло. Одна роса стекает. Ни умыться, ни голову помыть!

Я поковырялась рукой в дырке и вытащила большой кусок зеленого мха, который тут же бросила в котел.

– И давно ты людоедством промышляешь? – спросила я, глядя на толстуху.

– Думаешь, мне это нравится? Думаешь, что я это ради удовольствия делаю? – нервно заметила принцесса, сдувая прилипшую к толстой щеке прядь спутанных волос. – У меня выхода нет. С тех пор, как эти сволочи-родственнички меня кормить перестали... Жить захочешь и не на такое согласишься. Знаешь, я – единственная наследница престола Мираона! Когда мама с папой умерли, злые родственники-опекуны заперли меня в этой башне. Казнить нельзя – народ

взбунтуется, да и закон запрещает. Сначала кормили неплохо, потом все хуже и хуже. Если бы не добрая женщина, которая приходила ко мне, я бы лет пять назад с голоду померла. Придет, сердобольная, крикнет: «Рапунцель, я покушать принесла!» Я ей волосы скину, она к ним корзинку привяжет, а там – молоко, хлеб, козий сыр, мясо... красота! Всея деревней собирали. Вот тогда я и поправилась.

Принцесса вздохнула.

– Полгода назад пропала моя кормилица. Говорят, вырезали мои родственнички всю деревеньку. Типа, раз кормят, значит, мятеж замышляют. А потом смотрю, полезли. Лезут и лезут. Один такой залез, ну все, мол, принцесса, я тебя спас, выходи за меня за... А потом как взглянет, как заорет, что я жирная корова и уродина... Обиделась я на него и сковородкой прихлопнула. Хорошая была сковородка. Жаль... Короче, убила я его случайненько. А у него с собой вот этот ножик был. Сидела я, сидела... А потом думаю, помереть сейчас – сделать родственникам подарок...

Принцесса не выдержала и зарыдала, вытирая слезы подолом грязного старого платья.

– Тише. – Я с жалостью посмотрела на нее. – Не плачь. Да я тобой вообще восхищаюсь. Не каждая бы выжила в таких условиях. А ты действительно – молодец! Слушай, не хочешь проведать родственников? Устроить, так сказать, государственный переворот? Отомстить за все хорошее? И трон занять?

– Да я уже десять лет об этом мечтаю! – всхлипнула принцесса. – Когда была тонкой-звонкой, волосы были короткими, веревки не было, и башню охраняли. А сейчас я уже не пролезу...

– У тебя веревка есть? – взволнованно поинтересовалась я, прикидывая как извлечь принцессу. – Кстати, за тебя награду объявили. Полцарства и полказны.

– Поищи в углу, может, целая веревка и осталась... Только не выдержит она меня... Я повеситься пыталась... От отчаяния... Порвалась веревка... Стул сломала, попу ушибла... Сразу в себя пришла! Да за что ж мне такое наказание! Экономят на еде, сволочи! Или думают, что прибьют меня ненароком. А сами всем рассказывают, что, дескать, злая колдунья похитила меня, – захныкала принцесса. – Да слезай ты. Не буду я тебя есть. У меня еще два охотника неразделанные лежат. И голубь...

Я слезла на шкаф, опасливо глядя на принцессу. Но она не дернулась. Даже нож положила на стол. Со шкафа я спрыгнула на пол. Нет, она на меня не нападет. Я стала рыться в грязных тряпках со следами крови. Есть веревка, но коротковата... И эта тоже...

– Короче, у меня есть план, – сказала я, показывая пальцем вверх. – Мы сделаем дыру в крыше. Перекладина должна тебя выдержать. А потом спустимся вниз. На твоих волосах. План рискованный, но стоит попробовать.

– А как ты меня затащишь вверх? – всхлипнула прин-

цесса, утирая пухлой рукой слезы.

– Волосы твой вес выдерживают? – поинтересовалась я, глядя на перекладину. – Ты пыталась на них повиснуть? Головой?

– Легко! – ответила принцесса, закидывая волосы, словно ковбой лассо, на перекладину. Потянула за них мускулистыми руками и повисла в воздухе. – Знаешь, сколько лет я тренировалась? Делать мне было нечего...

– Молодец! Считай, что ты репетировала спасение! Ладно, полезла я крышу ковырять, – вздохнула я, а принцесса протянула мне нож, смахивающий на мачете.

– Ты смотри, не упади! – раздалось снизу. Она стояла, сложив руки, словно в молитве. Губы ее дрожали, а я чувствовала, что просто обязана ее вытащить. Это тебе не «котенок» с сумками на вокзале. Тут дело серьезное.

Я легла спиной на перекладину, ухватилась за нее и стала бить по крыше ногами. Дырка расширилась, посыпалась какая-то труха. Ой! Ничего себе. Полкрыши съехало вниз, а я еле удержалась на своей «жердочке». Отлично! Я слезла вниз и попросила перекинуть волосы через перекладину.

– Давай, попробуй залезть по шкафу. Я буду тебя тянуть вверх, а ты постарайся зацепиться руками за перекладину и подтянуться! Главное, ногами ищи опору!

Я рванула волосы на себя и повисла на них. Спустя двадцать минут и шесть неудачных попыток принцесса висела на перекладине, хватаясь мускулистыми полными руками

изо всех сил.

Я слезла и подтолкнула ее. Шкаф захрустел и рухнул подо мной, но я успела ухватиться за волосы принцессы, и меня с легкостью втащили наверх.

– А теперь последняя часть плана, – нервно засопела я, утирая пот со лба. Нож я бросила вниз, глядя, как он падает в траву. И привязала волосы принцессы к перекладине.

– Я высоты бою... – начала она, держась за собственные волосы над головой. Я толкнула ее плечом. Прыгают же люди с тарзанки? Прыгают. Вот и мы прыгаем.

– Живая? – спросила я, глядя вниз.

– Живая... Только больно... – простонала принцесса, пока я слезала по ее волосам, как по канату. Спрыгнув на землю, я молча нащупала в траве нож и одним движением сделала ей отличную стрижку «каскад». «Височки подровнять или так оставить?»

– Какое облегчение! – вздохнула принцесса, ощупывая свою голову. – Оно того стоило...

Фей в образе кота ждал нас внизу, сыто облизываясь.

– Молодец! – похвалил меня котофей, уворачиваясь от пинка, которым я хотела его наградить.

Через два часа мы ехали мимо какой-то деревни. Народ высыпал на улицу, перешептываясь и переглядываясь. Еще бы! Наша процессия представляла собой душераздирающее зрелище. Анацефал еле ползет на дрожащих ногах, сверху восседает необъятная принцесса с короткой стриж-

кой в костюме бомжа, рядом, едва шевеля ногами, плетусь я в грязном камзоле со съехавшей короной. На моих плечах лежит не только груз тяжелого дня, а еще и пятикилограммовый GPS-навигатор. Хотелось поднять руку и скинуть его, но я настолько обессилела, что даже рука не поднималась.

– Однажды, в студеную зимнюю пору, я из лесу вышел, был сильный мороз... – начал котэ, сладенко зевая. – Кстати, и вправду холодает...

– Я – принцесса Мираона! Законная наследница престола! Я вернулась! – репетировала принцесса, потрясая каким-то старым медальоном.

Эпично вернулась. И не одна, а с принцем. По всем законам жанра принц вел под уздцы коня, на котором восседала невеста. Конь с надеждой пытался заглянуть мне в глаза, но я отводила взгляд, глядя на дорогу.

– Давай, Энцефалитушка, еще рывочек... – шептала, хлопывая его по морде, – Тут совсем немного осталось... Потерпи, родимый... Я терплю, и ты терпи...

– Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз, – лениво продолжил котэ. – И шествуя важно, в спокойствии чинном, лошадку ведет под уздцы мужичок...

Да, было у меня ощущение, что самые крепкие орешки здесь только у меня и у Энцефалита. Я смотрела на коня с уважением.

– «Уж больно ты грозен, как я погляжу! Откуда дровишки?» – «Из лесу, вестимо...» – продолжал кот, с правильными

ми выражениями и интонациями. Учительница литературы уже занесла ручку, чтобы поставить ему пятерку в четверти.

У меня еще хваталось сил вяло утешать принцессу, которая вдруг решила излить мне душу, в красках описывая свою доброжелательную родню и долгие годы вынужденного одиночества. Потом она, радостно болтая ногами, стала делиться планами на будущее. Особенно ее интересовало, на что обратить внимание в выборе потенциального супруга. Решила оторваться по полной. Молодец!

– В лесу раздавался топор дровосека. «А что, у отца-то большая семья?» – мурлыкнул кот, потягиваясь.

И тут я не выдержала и едко ответила, хватая его за шкуру и стаскивая с себя:

– «Семья-то большая, да два человека. Всего мужиков-то: лошадкин да я...»

И швырнула котэ в дерево. Он тут же на лету принял человеческий облик и приземлился на ноги. Принцесса ахнула от удивления и восхищения.

– О! Какой мужчина! – всплеснула она руками, глядя в его сапфировые глаза.

– Да разве это – мужик? – ответила я, фыркая. – Вечно на бабьих плечах выезжает. Так вот, милая, смотри внимательно. Это – не мужик! Не позволяй мужику на себе кататься! Это мужик должен тебя на руках носить, а не ты его! Поняла? Вот основное правило. Возраст, рост, вес, комплекция не важны. Главное, чтобы мужик мужиком был!

– А теперь меня послушай, принцесса, – заметил крестный, идя рядом. – Никогда не будь такой, как она. Понимаешь, принцесса, есть женщины, которые просятся на ручки, а есть те, которые подставляют шею. Делай выводы.

Когда мы доползли до роскошного замка, там уже собралась целая демонстрация. Прямо у ворот стоял гарнизон стражи, который очень не хотел нас пропускать, едва сдерживая натиски разъяренных фанатов принцессы.

– Прочь отсюда, самозванка! – заорала стража, потрясая оружием. Но акция устрашения провалилась, когда крестьяне двинулись на них с вилами и мотыгами.

Принцесса тем временем сползла с коня и потрясла медальоном, выдав целую речь. Судя по тому, насколько слаженным было ее выступление, она репетировала ее лет десять, не меньше. Бывшая узница рассказала всю горькую правду, упуская некоторые щекотливые факты своей биографии. История возмутила народ до глубины души. Стража решила не рисковать и пропустить принцессу в замок. И нас заодно.

– Ой! Наконец-то королевская свадьба будет! Ничего себе! Вот это я понимаю – «любовь»! – волновалась толпа. – Только принц какой-то шупленький.

– Маленький, да удаленький! – заметил кто-то, видя явную разницу в габаритах, – Сразу видно! Мужик!

Стоило нам войти в тронный зал, как тут же я увидела вооруженную охрану и роскошно одетых господ, чинно восседающих за длинным обеденным столом. На том конце стола

стояло два трона. На самом столе размещались роскошные яства, от которых у меня потекли слюнки. На высоком троне с резной спинкой сидел насупленный сутулый бородастый хмырь в короне, а рядом с ним, на троне поменьше, сидела тощая, как швабра, одетая со всей королевской пышностью мадам с гнездом на голове. Вид у всех был отнюдь не жизне-радостный, когда на пороге появилась наша компания. Некоторые гости даже еду до рта донести не успели и подавились при виде нас.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровалась я, изображая приветливую улыбку. – Принцесса спасена. Я за наградой!

– Взять! – заорал король охранникам, тыкая в мою сторону пальцем.

Охрана ломанулась на нас. Отлично! Призовая игра! Один из телохранителей занес надо мной меч, но котикша соскочил с моего плеча и превратился в человека, оббив хвостом руку охранника. Рука хрустнула. Меч выпал. Остальных размело по сторонам, словно у нас под ногами взорвалась граната.

Крестный посмотрел на гостей, склонив голову набок, а потом ловко, с кошачьей грацией, запрыгнул прямо на стол. Он шел, переворачивая хвостом блюда и кубки прямо на гостей. Некоторые закуски сметал ногой.

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро... Известно всем, тарам-парам, на то оно и утро, – усмехнулся Фей, продолжая свое феерическое шествие. Все. Включайте

самое страстное фламенко.

– Ты кто такой? Ты что творишь? – заорали возмущенные гости, глядя на побледневшие лица короля и королевы.

– Нижайше прошу простить меня за мою невежливость, – ядовито заметил крестный, продолжая разбрасывать еду и шагать по столу. – Вы же были так вежливы и учтивы... Даже соизволили выслушать... Вот и я отвечаю вежливостью на вежливость. Надо же чем-то оправдать такой теплый прием с вашей стороны? Не люблю быть без вины виноватым. Увы... Так что теперь мы в расчете. Почти.

Мы с принцессой переглянулись и снова, открыв рты, уставились на черную фигуру, изящнодвигающуюся по столу в сторону застывших на месте короля и королевы.

– И часто он так делает? – сипло спросила принцесса, глядя на меня квадратными глазами.

– На моей памяти впервые... Мы с ним сегодня познакомились... – тихо заметила я, обалдевая от умопомрачительного кошачьего хамства. Я в жизни такого представить себе не могла. А теперь не просто представляю, а вижу своими глазами.

Фей дошел до короля и обвил его шею хвостом.

– А вот теперь поговорим! Простите, многоуважаемый, мне просто так удобней разговаривать. Не хочу орать на весь зал. Принц спас вашу принцессу из Башни. Дело сделано. Принцесса жива, здорова, цела и невредима. И что принцу за это полагается? Правильно. Награда. А! Забыл предста-

виться. Я – крестный фей принца, – заметил он, сдавливая хвостом шею королю так, что тот покраснел и начал задыхаться. – Да что ж вы так смущаетесь? Фей никогда не видели? Не надо краснеть. Я тоже польщен. Итак. С моего подопечного – принцесса, с вас – полцарства и полказны, как было заявлено в договоре. Договор считается публичной офертой. Это я просто напомнил. На случай, если у вас проблемы с памятью.

– Прости... те... Кхе! – прокашлялся король, вцепившись руками в хвост фея. – Стража меня неправильно поняла... Я сказал не «взять», а «зять»! Мой любимый зять! Почти как сын. Да что там! Сынок! Я прямо сейчас готов его расцеловать! Он оказал королевству такую услугу, что мы перед ним в неоплатном долгу! Кхе... кхе... Но вы понимаете, что я не могу вот так вот взять и...

– Неужели? – перебил его крестный, ловя за руку какого-то дворянина, который бросился к нему со стилетом. Рука хрустнула, стилет упал на стол. Крестный, не разжимая хвост, поднял стилет, поиграл им в руках, а потом приставил к лицу короля. Тот дернулся, уронив корону, которая со звоном покатила под стол.

– Мадам, у вас есть черное платье? – участливо обратился Фей к побледневшей королеве. – Нет? Какая жалость. Возможно, скоро оно вам очень пригодится. И как вы живете с таким упрямым мужем?

– Давайте начнем разговор с самого начала... – простонал

король. – А именно с руки принцессы...

«Рука принцессы? Отличный выбор! Сейчас отрежу. Вам завернуть или просто положить в пакетик?» – промелькнуло в моей голове.

– Нет. Мы начнем сразу с полцарства и половина казны, как было указано в договоре, который прилагается к вашей страстной мольбе о помощи, – заметил крестный, щелкая когтистыми пальцами. В его руке появилось два договора. – Как тут сказано? В награду полагается полцарства, половина казны и рука принцессы. Типовой договор на спасение принцессы. Правда, есть один нюанс. Моя подопечная – девушка, хоть и исполняет обязанности принца. Поэтому рука принцессы нас не интересует. А вот остальное, будьте так любезны...

Перед носом короля появилась чернильница с пером.

– Хорошо... Хорошо... – простонал король, беря перо и подписывая подсунутый документ.

– Великолепно! – сладко похвалил крестный. – По поводу деталей передачи части королевства под юрисдикцию Принца я вам сообщу. Половина Мираона присоединяется к землям Принца. Так что переносите пограничные столбы. Половина вашей казны уходит в казну принца. Было очень приятно иметь с вами дело. Я очень рад знакомству. Премного благодарен. Извините за причиненные неудобства.

Крестный разжал хвост, которым душил несчастного короля, и двинулся обратно. Тем же маршрутом, но уже поиг-

рыва стилетом. Спрыгнув со стола, Фей с милой улыбкой вручил кинжальчик принцессе.

– Держи. Пригодится, – усмехнулся он, поглядывая на всех присутствующих. – Прокладывай путь к трону. Если что – пиши. Не пропадай. Всегда рады помочь. Не бесплатно, разумеется.

Принцесса посмотрела на сверкающий клинок, сжала рукоять покрепче, а потом перевела взгляд на родню.

– Мышка, я всегда говорил, что добрым словом и стилетом можно добиться куда больше, чем просто добрым словом, – заметил крестный, на ходу превращаясь в кота и залезая мне на шею.

Глава четвертая. Нет у нас подушки, нету одеяла, прижмемся мы друг к дружке...

Когда мы вернулись в замок, то первым делом я бросила взгляд в тот угол, где лежал окоченелый голубь. Голубя нигде не было. Зато на полу осталась кровавая лужица, в которой плавали перья. Котейка покушал, а я – нет. Где справедливость? Я посмотрела на Фею совсем не добрым взглядом. Нет, конечно, на голубя я не претендую, но внутренний прокурор настоятельно требовал справедливости в виде честно заработанного ужина, завтрака, обеда или полдника.

– И где обещанное «покушать»? – неприятным, преисполненным разочарования голосом поинтересовалась я, скрепив руки на груди и нетерпеливо стуча ногой по полу.

– Завтрак будет покушать, – заметил крестный, отворачиваясь.

– А со стола нельзя было что-то умыкнуть? Нет? – захныкала я, чувствуя требовательное урчание голодного желудка. Еще бы! Я целый день хожу голодной, а ему хоть бы хны!

– Ты в лотерею когда в последний раз играла? – томно спросил Фей. – Никогда. А раз не играла, то лучше не начинать. Тем более с такой крупной ставки, как твоя жизнь. Там половина еды отравлена была. Потерпи до завтра... ка...

Кстати! Чуть не забыл!

Он опять обернулся котом и протяжно мяукнул. Из всех щелей набегали мыши. Фу! Огромный шевелящийся комок мышей. Мерзость какая! Они сбились в одну кучу и дрожали.

– Мяу, – сладким голосом произнес кот, вальяжно прохаживаясь вокруг мышинной кучи. – А теперь мы определимся со слугами. Не бойтесь, милые, я уже не голоден. Мне нужно несколько добровольцев. Им и их семьям будет обеспечена неприкасаемость до первой серьезной провинности.

Мыши запищали, а потом несколько боязливо подошли к коту. Через секунду на их месте стояло пять служанок в одинаковых белых передниках. Блондинка, брюнетка, две шатенки и одна рыжая. Черты лица у всех были мышиные, а взгляды красноречиво намекали на то, что боятся они котейку до судорог.

– Итак, мои сладкие, вы теперь слуги, – произнес Фей, превращаясь в человека, – Отмыть, почистить, привести замок в порядок. Чтобы когда я проснулся, все блестело, как у кота...

Я с большим интересом посмотрела на Фею, в надежде, что ослепительный блеск старательно вылизанных кошачьих причиндалов я никогда не увижу.

– ...шерсть, – усмехнулся крестный, искоса бросая взгляд на затаившую дыхание меня.

– Да, ваше когтейшество! – пропищали мышки, учтиво

кланяясь. Он подошел к одной из них, не сводя полуприкрытых глаз, а потом провел когтем по ее щеке. Мышь задрожала, зажмурилась и опустила голову.

– И тихо. – Фей понизил голос до страстного шепота, наклоняясь к ней. – Как мышки... Ни стука... ни грюка... ни звука... Если я случайно проснусь от того, что что-то упало... Я вас съем...

Крестный откинул свои длинные волосы, развернулся ко мне и тут же снова к трясущимся мышам, которые мгновенно застыли от ужаса.

– Приступайте. Начинайте с тронного зала. Комнату принца уберете завтра. А мы немного устали и идем спать, – сладко зевнул Фей, обнимая меня за плечи. Внезапно он наострил уши.

– Так! Вы тоже вылезайте! Смелее, – заметил он, потершись щекой об мою щеку. Из щели вылезли две крысы. Большая, жирная серая и маленькая черная с порванным ухом.

Через секунду перед нами стояли двое. Полный, солидный седой мужчина с крысиными усами изумленно поглаживал красивую белую ливрею, с недоверием разглядывая свои руки. Рядом с ним жался маленький юркий брюнет, смахивающий на уменьшенную копию Д'Артаньяна. Не хватало шпаги и толпы гвардейцев, чтобы завопить: «Каналья!» и тихо слиться.

– Итак, – заметил крестный, снова бросая на меня взгляд. – Жирный у нас – мажордом. Отвечаешь за все сначала

ла хвостом, потом головой. А ты, мелкий, – конюх. Займись Анцефалом, тьфу ты... Имбецилом... Короче, конь стоит в стойле. Приведи коня в порядок и накорми его. Остальные – свободны.

Слуги стояли испуганной кучкой, изумленно разглядывая друг друга, пока кадровый резерв спешил укрыться во всех щелях.

– Любой писк с вашей стороны карается смертью. Никто не должен знать, что происходит в моем замке!

Крестный зевнул, а потом сладко добавил, поигрывая хвостом:

– Пошли, Мышка, смотреть наши апартаменты.

– Мне не нравится слово «наши». Оно обязательно? – устало спросила я, скидывая его руку со своего плеча. – Мне больше нравится слово «мои». «Мои» апартаменты и «твои» апартаменты. А если они будут в разных концах замка, тогда вообще чудесно.

Не дожидаясь ответа, я устало поднялась по лестнице, дошла до единственной целой двери, дернула ее и увидела милую холостяцкую обитель. Огромная кровать с пыльным балдахинном смахивала на аэродром, куда мне чертовски хотелось приземлиться. Портреты обнаженных красоток в самых соблазнительных позах украшали стены с отсыревшей побелкой, на пыльном столе стопкой лежали книги. Я подошла и взяла одну из них, сдувая пыль с ее красивой обложки. «Как правильно целоваться. Пособие для начинающих.

От помидора до сеньоры». Ну хоть не от огурца до молодца. Вторая книга называлась: «Гуру пикапа». Надеюсь, что здесь есть все схемы ремонта легкового авто с открытой грузовой платформой. Сразу вспомнился «Конь в Авто». Третья книга тоже порадовала меня названием. «Постельные отношения от «А-а-а-а!» до «Я-я!»». Все эти книжки были не толще букваря. Зато под ними лежал огромный опус. «Руководство по эксплуатации женщины. Сокращенное издание» Я открыла первую страницу.

«Возьмите женщину...»

Хм... Начало хорошее. А мне всегда казалось, что именно это должно стать кульминацией отношений. Простите, уважаемый автор, брать всю? Или можно по частям? За какие части конкретно брать? Где схема? Где рисунок? Вы, уважаемый автор, как-то непрофессионально подходите к составлению мануала по женской эксплуатации.

«Посмотрите на нее внимательно...»

Сначала правым глазом, потом левым, а потом обоими сразу. И если ничего не увидели, переходим к пункту три.

«Что вы видите?»

Как что? Если отследить, куда устремляются мужские взоры...

«Вы видите человека!»

Ничего себе! Неужели я... я... человек? После такого начала, автор, вы мне льстите!

«Но вы не обольщайтесь. Женищина – это не человек... Она лишь имитирует человеческое поведение. И я вам это докажу. Если мужчина, такой, как вы или я, думает о многом, женищина думает только о любви. Все ее мысли исключительно о любви... Она просто физически не способна думать о чем-то другом! Без любви женищина чувствует себя несостоявшейся. Все женищины похожи друг на друга. Неважно, какой у нее цвет волос, цвет глаз, размер груди... Все женищины думают только о любви. Другие мысли просто не помещаются в их голову...»

Я задумчиво пролистала оглавление.

Глава первая. Женский лепет или как делать вид, что ты ее слушаешь

Глава вторая. Женская истерика, как пережить и чем закрыть ей рот

Глава третья. Женская обида и как правильно обижаться на нее за то, что она обиделась на тебя

Глава четвертая. Как называть женищину, если лень запоминать ее имя

Какая прелесть! Удачи, автор. Я посмотрела на книгу, потом на камин. Запахло вторым томом «Мертвых душ».

На кровати не было ни подушек, ни одеял, зато был продавленный матрас сомнительной чистоты. Судя по грязным отпечаткам подошв и комьям земли, предыдущие владельцы спали в сапогах. Еще бы! Принц должен был готов к труду и обороне в любое время дня и ночи!

Старый пыльный камин, все еще сохранивший черный след копоти и остатки золы, меня порадовал. Всегда мечтала о камине. Окна с пыльными подоконниками отсвечивали в утреннем сумраке немыватыми стеклами. На одном подоконнике валялся засохший яблочный огрызок, покрытый паутиной, и женское белье сомнительной чистоты. Есть у меня предположение, что девушку звали Евой. Санузел был представлен рукомойником, неким подобием унитаза и огромным плесневелым бассейном-ванной, над которым стояла обнаженная мраморная красавица с кувшином. Я присмотрелась к унитазу, вспоминая, был ли среди «принцев» хоть один, страдающий косоглазием. Вроде не было. Но стена вокруг свидетельствует, что был. И не один. Такое чувство, что здесь тренировалась целая сборная косоглазых биатлонистов под руководством слепоглухонемого тренера.

Я выдохнула с облегчением. Какое счастье, что никто из «Аллеи славы», украшающей холл, не почтил меня своим визитом. Иначе бы его труп обнаружили на следующий

день с потным носком во рту, с отпечатком грязного сапога на груди и мокрым седельцем на шее.

Я поежилась. В комнате было холодно. Взглянув на кровать, я содрала две шторы с карниза. Одна стала простыней, другая – одеялом. Потом я перешла ко второму окну, содрала еще одну шторку, свернула ее и получилась подушка.

Сняв вонючие сапоги, пошевелив благоухающими носками, которые решила не снимать, в связи с нарушением температурного режима, я расстегнула грязный камзол и бросила его на спинку стула. И вот я лежу на самодельной подушке, укрываясь импровизированным одеялом, и чувствую, что колыбельную мне петь не надо. Я и так усну. Я подоткнула одеяло под себя, перевернулась на живот, засунув руки под подушку, поежилась и закрыла глаза. Нет, ну определенно холодно. Надо как-то решать вопрос с отоплением. Но усталость все-таки победила холод, и я задремала.

Проснулась я оттого, что по мне кто-то топтался. Началось в колхозе утро! Кого еще блохи принесли?

– Слышишь, животное! – злобно прошипела я, оторвав голову от пыльной подушки. – Если ты непременно решил спать со мной в одной комнате – свернись калачиком на стуле!

– Я? На стульчике? Шутишь? – прошипел котофей, наминая меня когтями.

– Здесь кровать трехспальная. Я и так в уголочке лежу. У тебя там – целый плацдарм. Иди маршируй там! – огрыз-

нулась я, стряхивая кота с себя, но тот вцепился когтями в одеяло.

– Тогда готовься отдавать мне честь, – язвительно заметил он.

– Ага, вот только я не при параде, чтобы честь отдавать, – зевнула я. – Имей же совесть... Дай мне поспать! И так холодно, а тут еще ты на мне мнешься! Сделай так, чтобы мне было тепло!

– Как скажешь. Учти, я люблю быть сверху, – сладко заметил котик, снова запрыгивая на мою спину. Вроде улегся на талии. Я положила голову на подушку, закрыла глаза и почувствовала, как он снова начал искать удобное местечко. Вот нейдет ему! Кот спустился ниже и с удовольствием впивался когтями в мою многострадальную часть тела, которая сегодня получила впечатлений на пару лет вперед.

– Вообще-то я и так сделал тебе одолжение, разрешив спать на МОЕЙ кровати, – сладенько заметил кот, снова впиваясь когтями в мой седалищный нерв. – Цени. Я сегодня добрый.

– Слышишь, а ты не офеел? Нет? Давай мы найдем тебе какую-нибудь коробочку, в которой ты перезимуешь... Тьфу ты, переночуешь. Обещаю, закапывать ее не буду, – просто-напросто я, пряча голову под подушку. – Лопаты нет...

Через пять минут вынужденной духоты, я вылезла и перевернулась на спину. Кот лег мне на живот, свернувшись клубочком в районе солнечного сплетения. Что-то заурчало.

– Это я мурчу или твой желудок? – встревожился кот, встрепенувшись и наострив уши.

– Это мой желудок урчит... Ты обещал мне еду, если спасем принцессу, – мрачно напомнила я, отгоняя живодерские мысли.

– Фу! А я уже испугался, что это я случайно замурчал... Эх! – сладко зевнул котик, сворачивая язык в трубочку, показывая острые зубки и прижимая ушки.

Вроде улегся. Нет! Ма-а-а-ама... Да что ты будешь делать! Я ведь не живодер... Но иногда так хочется им побыть! «Коврик – для хозяев. Кровать – для кошек!»

– Куда бы тебя послать, чтобы неслабо обидеть? – всхлинула я, чувствуя, как пятикилограммовая кошачья тушка все никак не уляжется.

– Считай, что я выписал тебе генеральную доверенность, с которой ты будешь ходить на все органы вместо меня, – зевнул кот, явно наслаждаясь моими мучениям.

Он прошелся по спине, спустился по ногам, а потом...

– Мне холодно... – заметил котэ, залезая под одеяло. – А у тебя носок дырявый... Зашить было лень? Моя ж ты хозяйшкa... Ничего, сейчас еще пару дырок сделаем для вентиляции.

Ай! Сволочь! Да что ты творишь! Зачем было меня за палец ноги кусать? Лови ответку!

Кот слетел с кровати, но тут же запрыгнул сверху. Да он – не фей, а исчадье ада!

– Я же сказал, что мне холодно! – язвительно заметил кот, прогуливаясь по мне. – Кстати, какой бритвой ноги бреешь? Плохая бритва. Выбрось ее...

Я застонала, закрывая голову самодельной подушкой. Кот не унимался. Я изловчилась, схватила фея одной рукой, а другой стала снимать с ноги грязный носок. Кот вырывался, но я была неумолима и беспощадна, как диарея в автобусе дальнего следования. Я придавила кота собой и стала пытаться засунуть ему в рот кляп. Кот царапался и возмущался, а через секунду носок резко поменял траекторию и устремился мне в рот. Меня крепко держали, со смехом пытаюсь накормить моим же носком. Я щедро награждала Фею пинками, вырывалась и сопротивлялась так, словно на кону стояла моя жизнь. А потом удалось вырвать у него из рук носочек и снова натянуть его на ногу. Я легла, демонстративно отвернувшись от крестного и закрыв уши подушкой.

– Нет у нас подушки, нету одеяла... Прижмемся друг к дружке, чтоб теплее стало! Да, моя Мышка? – наигранно жалобно заметил кот, залезая мне на голову.

Я изловчилась и поймала его в одеяло. Кот в мешке.

– Вот и сказочке конец, а кто выжил – молодец! – заявила я, вытряхивая кота на пол. Через секунду меня стащили за ногу, завернули в одеяло и вытряхнули на пол с гаденькой усмешкой.

– Я тебя сейчас так отфеечу, что мало не покажется, – выругалась я, подтягивая спадающий носок, – Вот нафея

ты это делаешь? Ответь мне! Нафея? Я устала, хочу просто лечь и...

Я даже слюной подавилась на полуслове. На моем месте расположился Фей, опять в человеческом облике, обнимая подушку и коварно улыбаясь. Я не выдержала, залезла на кровать и прошла по нему ногами. Он превратился в кота и ускользнул.

Откашлявшись, я убрала волосы с лица, упала на кровать и снова попыталась уснуть.

– Ты никогда не пробовала спать втроем? Предлагаю попробовать! – ехидно предложил кот, потягиваясь. – Ты, я идохлый голубь. Ты согреваешь мое тело, а голубь согревает мою душу...

Все! Мое терпение оборвалось! Я молча вскочила, схватила кота за шкурку, открыла дверь, путаясь в шторе-покрывале, и швырнула его в коридор.

– Свободен, котик! – надрывно крикнула я, закрывая дверь и пытаясь пальцами нащупать хлипкую щеколду. Пока силилась ее задвинуть, почувствовала, как меня поднимают за шкурку в воздух.

– Свободна, Мышка! Спасибо, что нагрела место! Если бы феминизм был спортивным соревнованием, то ты бы уже целовала медальку и махала с пьедестала, – раздался язвительный голос над ухом.

Дверь открылась, и я оказалась в коридоре. Нет, конечно, без отпечатка ноги на попе, но все равно в глубокой обиде.

Ничего, сейчас моя очередь. Я с ноги выбила старую дверь, разъяренно влетела в комнату и увидела холмик под одеялом. Сейчас холмик станет курганчиком. Я залезла ногами на кровать и наступила на него.

– Приятно? Приятно, когда по тебе топчутся? – озверела я. Я всегда зверею, когда мне не дают нормально поспать. Кот принял человеческий облик и скинул меня.

– Вон тебе плацдарм, там и маршируй, – зевнул он с гаденькой ухмылкой, прижимая уши, а потом снова превратился в кота, которого я скинула с кровати.

– Спасибо, что нагрел! – съехидничала я, заползая под одеяло и закрывая глаза. Он снова топтался по мне, а потом перепрыгнул на подушку и стал перебирать лапами мои волосы. Я с глухим стоном накрылась одеялом с головой. Еще через минут пять я сдалась.

– Хорошо, полезай под одеяло, – с глухим стоном выдохнула я, приоткрывая ему вход. Долго упрашивать не пришлось. Кот моментально юркнул под одеяло. Я закрыла глаза, а потом поняла, что мне нагло лезут под футболку.

– Я сказала, под одеяло, а не под футболку! – прошипела я, вытаскивая кота. Он вцепился когтями в лифчик и потянул его следом. Резинка щелкнула, но застежка не поддалась, зато лифчик съехал. Пришлось его поправлять.

– А у тебя что? Левая больше правой? – с явным интересом спросил кот, а потом успокоился и просто лег рядом.

Я лежала с закрытыми глазами и мысленно проклинала

тот день, когда меня угораздило с ним связаться. Сегодняшний день. Или вчерашний. Мне уже все равно. Пришлось поджать ноги под себя и свернуться буквой «зю», чтобы не дрожать всем телом. Мышцы были напряжены, и я чувствовала, что стоит хоть немного расслабиться, как тут же начинаю трястись, как осиновый лист.

– Я требую, чтобы ты меня обняла! – заявил кот из-под одеяла, – Я, между прочим, кот одинокой независимой женщины и веду себя соответственно! Ты просто обязана меня обнимать!

– Я тебе сейчас волшебную палочку оторву и хвост на палец накручу! – процедила я сквозь зубы, понимая, что он не отстанет. – Ладно, хорошо, обниму. Но только при условии, что ты дашь мне поспать, с... кот!

Я сгребла котишку в охапку и прижала к груди. Он вроде бы притих. Я даже проверила, дышит или нет, а то мало ли, вдруг переусердствовала? Дышит.

Я выдохнула с облегчением и закрыла глаза. Черт, как же холодно... Я немного подрожала и уснула. Снилось, что прислонилась к чему-то большому и теплomu. Мне было тепло и уютно. А большое и теплое прижимало меня к себе, нежно обнимая.

Утром меня ждала абсолютная чистота, завтрак в виде овсянки, кубышки молока и куска свежего хлеба. И все? А где же лобстеры? Омары? Где роскошные яства? Где окорок, черт возьми? Я так не играю! Мы вчера оттяпали поло-

вину королевства! Этот плевок овсянки, размазанный по тарелке, – все, что я заслужила?

Я поела и снова завалилась спать. Но внезапно кто-то осторожно вытащил из-под одеяла мою руку, засунул в перо в пальцы, а потом принялся водить ими в воздухе.

– Ты что творишь? – возмутилась я, подскакивая и бросая перо.

– Заявку подписываю. Собирайся. Сейчас ее одобрят! – усмехнулся Фей, любуясь моей корявой росписью.

– Какую заявку? – зевнула я, протирая глаза. – Я что? Мальчик по вызову? Я что, каждый день работать должна?

Крестный не ответил. Вместо этого он поддел хвостом мой – удивительно, но чистый – камзол и бросил его на кровать.

– Пять минут на сборы! Пока горит спичка, – усмехнулся он, видя, что я смотрю с плохо скрываемой ненавистью. Именно таким взглядом провожают рабы, вкалывающие на плантации, любимого хозяина, который удаляется в роскошное поместье, чтобы как следует отдохнуть после изнурительной прогулки по собственным владениям.

– А может, лучше свечка? Большая, толстая свеча! – проворчала я, чувствуя, как меня сгребают с кровати, ставят на ноги, цепляют на голову корону и вручают камзол. Фей исчез. А через пять минут снова появился.

– Одобрели. Правда, пришлось внести деньги... Все наши деньги! – сладко заметил он, глядя, как я пытаюсь попасть

рукой в рукав. – Так что не подведи, принц! На кону все наши сбережения!

– Какие деньги? Я должна вносить деньги за спасение? Залог? Это какое-то издевательство! Хотя нет! Это – надувательство! Лохотрон, – выругалась я, застегивая пуговицы. – Тем более я думала для начала искупаться...

– Искупаешься, – многозначительно заметил Фей, разворачивая какую-то бумажку. – Итак, злой волшебник превратил принцессу в лебедя. Ее родители обещают полцарства, половину казны и крылышко... тьфу ты... руку принцессы. В случае освобождения залог вернут. Я об этом позабочусь. Поэтому давай, принц, скачи навстречу славе!

***

Энцефалит медленно чавкал копытами по какому-то болоту. Чаф-чаф. То ли Гримпенская трясина, то ли средне-русская возвышенность радовала душу законченного пессимиста красотой своих унылых пейзажей. Не хватало только протяжного собачьего воя и невозмутимого Дуремара с сачком. Надеюсь, что запах овсянки не привлечет собаку Баскервилей.

– Эх, жизнь моя – жестянка... – вздохнул кот, сидя у меня на шее и больно впиваясь когтями в спину. – Да ну ее в болото... Живу я как поганка... А мне лета-а-ать... А мне лета-а-ать...

Хлюп! Не каждый день ты исполняешь желание фея.

– Не квакай, – злорадно заметила я, ударяя ногами в бока Энцефалита, чтобы отъехать подальше от кошачьей мести. Конь резко дернулся, встал на дыбы, и теперь я сижу в луже.

– Предположим, ква... – ехидно заметил кот, подбираясь ко мне.

– Фу! – простонала я, поднимаясь с чавкающей жиже. Руки были мокрые, штаны и спина тоже. Встав из воды, я поплелась к Энцефалиту, который стоял, виновато прижав уши. Он шарахнулся, когда я попыталась грязной рукой схватить его за поводья.

Стоять, дружок, смирно! Ишь, какая неженка! Я попыталась зайти с другой стороны и тут же провалилась по пояс.

– Меня засосала опасная трясина... – шумно вздохнул Фей, превращаясь в человека. Я попыталась выбраться, но тут же увязла по грудь. Крестный присел на корточки и сделал жалобное лицо.

– Я тебе очень сочувствую... Тебе перед смертью пришлось хлебнуть столько го... – заметил он, кладя мне руку на плечо и слегка подтапливая, – ...ря. Ты, главное, не двигайся. Вот! Так и замри! Отлично!

– Да знаю я, – опасливо заметила я. Трясина уже поглотила меня по плечи. – Чем больше шевелишься, тем быстрее тонешь...

– Да нет, просто это – красивая поза. Вот археологи обрадуются, найдя твои останки, – улыбнулся Фей, погладив ме-

ня по голове. И окунул палец в болотную тину.

– Вытаскивай меня отсюда! – возмутилась я, глядя, как он дурью мается, вместо того чтобы меня спасти. Над поверхностью болота торчала только моя голова.

Фей приложил грязный палец к моим губам и саркастически усмехнулся:

– Тише, колобок, тише... Расскажи лучше, как ты дока- тился до такой жизни...

– Скотина! – прошипела я, сплевывая болотную тину, – Как же я тебя ненавижу! Да за что мне такое наказание!

– Ладно-ладно, Мышка, не переживай. Сейчас я тебя спасу, – вздохнул Фей, вытаскивая меня на кочку. От белого камзола остались одни воспоминания, грязь текла с меня ручьем и хлюпала в сапогах.

– Спасибо! – вздохнула я, обнимая Фею и размазывая по его спине грязь, – Ты просто мой герой!

Через пять минут я брела рядом с конем, на плечах лежал грязный и мокрый кот, шлепая хвостом по моей липкой от грязи спине. Внезапно он соскочил и заявил, что пойдет разведает дорогу. Черный хвост мелькнул среди травы и болотных кочек.

Я стояла на месте и тут неожиданно для себя услышала красивый мужской голос. Насторожилась, пытаюсь понять, откуда он доносится. Кажется, снизу...

– О! Не может быть! Я – заколдованный принц! И если меня поцелует прекрасная девушка, то злое колдовство бу-

дет снято. Я прошу вас о помощи! Я триста лет жду этого момента!

Я опустила на колени, раздвинула траву на кочке и увидела большую лягушку.

Лягушка смотрела на меня, а я на нее. Триста лет бедняга ждал... Мне стало искренне жаль его.

– О, прекрасная незнакомка! Вы так очаровательны и милы! Я – принц. Я триста лет ждал только тебя! И вот, наконец, этот день настал! Умоляю, расколдуй меня, красавица... – выдала лягушка. Я осмотрелась по сторонам, а потом тяжело вздохнула.

Нет, конечно, целовать лягушку – это слишком, но он ведь триста лет, бедненький, ждал. Я взяла его на руки, потянулась губами, закрыла глаза и поцеловала. Передо мной появился симпатичный молодой человек с золотыми вьющимися волосами. Он брезгливо посмотрел на меня, а потом оттолкнул ногой.

– Прочь с дороги, подошва! – усмехнулся он, брезгливо сморщившись и направляясь в сторону Энцефалита. – Меня чуть не стошнило после твоего поцелуя! Надо будет рот прополос... ква!

И тут принца подбросило в воздух, и на его месте снова оказалась лягушка.

– Ой! Красавица, я пошутил! Прости меня, пожалуйста! Помоги мне! Я обещаю, милая! Я женюсь на тебе!

Договорить лягушка не успела. На том месте, где она си-

дела, высокий черный сапог растирал траву.

– Мне показалось, или я слышал какой-то голос? – наигранно встревоженно усмехнулся Фей, вытирая подошву о какую-то кочку. – Где ты? Мы уже идем к тебе на помощь! Ты, главное, не молчи! Говори хоть что-нибудь! Умоляю, скажи хоть слово... Ты что-нибудь слышала, Мышка?

– Да нет, – вздохнула я, поднимаясь из болота и сплевывая грязь.

Глава пятая. Гадкие лебеди, или Мы не ждали вас, а вы...

Живописное болото расположилось под сенью толстых многовековых деревьев. На болоте плавала стая белоснежных лебедей. Над водой парили стрекозы, а где-то в камышах звонко переквакивались лягушки.

– Как только справимся – будем отдыхать. Ты будешь отсыпаться, а я проведу незабываемую ночь в компании двух лебедей... Или трех... Нет, трех я не потяну физически... – облизнулся кот, спрыгивая с моей шеи. – Насадить их на вертел и отжарить хорошенько... М-м-м-м! Давай, лезь в болото!

Надеюсь, что это – кошачьи гастрономические предпочтения, а не мужские фантазии на тему внесения разнообразия в свой бескультурный досуг.

– О, нет! Спасибо! – возмутилась я, глядя на кота, который принял человеческий облик. – Это что? Издевательство? Как ее хоть зовут? Может, поору, она подплывет? И вообще, что с ней делать надо?

– Поймать три пера... – Фей прислонился к толстому стволу дерева, любуясь своими длинными когтями, так, словно пять минут назад вышел из маникюрного салона.

Я подавилась слюной. Хотела сказать что-то умное, но по-

давилась.

– Поймать триппе... Что? – осторожно заметила я, вглядываясь в лебедей.

Ипохондрик во мне закашлял и зачесался со страшной силой, прикидывая – сразу в гроб или можно еще полечиться ради приличия. Где мой респиратор и резиновые перчатки? Где мой костюм химзащиты и антибактериальный лосьон для рук? Почему не выдали перед тем, как отправить меня на столь рискованное дело?

Фей подошел, положил руку мне на плечо и пристально посмотрел на лебедей. Его зрачки стали поперечными. Он медленно повернул голову, разглядывая птиц, а потом слегка сощурился. Через секунду глаза стали обычными.

– Тебе надо ее поймать и вырвать у нее три пера. И тогда она снова станет человеком. Задание понятно, Мышка? Так чего стоим? Вперед, купаться! Только, чур, далеко не заплывай! Учти, если случайно утонешь, купаться больше не пойдешь! – усмехнулся Фей, потрепав меня по волосам. – А я пока поиграю в спасателя. Будешь тонуть – махни рукой на прощание. Это для того, чтобы я мог возвращаться домой со спокойной совестью!

Фей превратился в кота и ловко вскарабкался на дерево. Там опять принял человеческий облик, вальяжно расположившись на толстом суку, подперев спиной ствол. Длинный хвост свесился вниз, словно лиана.

– Итак, первая часть балета «Лебединое озеро». Принц

Зигфрид во время охоты случайно увидел красивых лебедей. Пам... пам-пам-пам-пам-пам! Па-пам! Па-пам! – язвительно заметил крестный с ветки. – Так! Занимаем места согласно купленным билетам. Первый ряд? Первый ряд. Балкон? Балкон. Начали!

Я сделала шаг в холодную и мутную от тины воду. В мокрых сапогах снова противно захлюпало и зачавкало. Лягушки стихли...

– Принцесса! – крикнула я.

Лебеди не обратили никакого внимания.

– Гули-гули-гули... – пролепетала я, делая рукой жест, словно заранее намекая, что работаю не за спасибо. Лебеди посмотрели на меня как-то странно. Примерно так смотрели мы на директора, обещавшего к 8 марта щедрые премиальные, но вместо них подарившего каждой сотруднице по паре стелек сорок пятого размера. Большинство стелек были гордо выброшены в мусорное ведро в женском туалете. Правда, одни из них были почему-то распечатаны, а сверху лежали сломанные ножницы. Художественное вырезание закончилось со счетом 1:0 в пользу стельки.

– Гули-гули-гули... – вяло промямлила я, разглядывая лебедей. Пришлось сделать еще один шаг, но лебеди отплыли подальше, недоверчиво косясь на меня, мол, ты на кого ба-тон крошишь?

– Нет, не так... Поикай громко... Икаешь и шипишь, икаешь и шипишь... – заметил крестный с дерева.

Я поикала и пошипела. Мною сразу заинтересовался большой лебедь – решил подплыть ко мне поближе...

– Пока принц Зигрфрид страдал от мучительных приступов икоты... – зевнул Фей и продолжил голосом ведущего передачи «В мире животных»: – Большой самец лебедя заинтересовано откликнулся на его брачный зов.

Я закашлялась и шарахнулась подальше от самца.

– Слушай, а чем самец лебедя отличается от самки лебедя? – поинтересовалась я, пытаюсь заполнить пробел в орнитологии.

– Как чем? Яйцами... – философски заметил крестный, поигрывая хвостом. – Самцы яиц не откладывают.

– Мне что? Подождать, когда они начнут нестись? А потом поднимать каждую птицу и проверять, есть ли яйца или она просто так присела? – возмутилась я, глядя на абсолютно одинаковых лебедей. Хорошо, если бы они подплыли поближе. Боже! Они такие милые и красивые. Прямо как на открытках. Сразу возникла ассоциация с многоярусным свадебным тортом и полотенцами в гостиницах.

– Знаешь, Мышка, это так романтично! – язвительно заметил крестный. – Ты, я и лебеди... Вот скажи мне, был ли в твоей жизни хоть один мужчина, который привел бы тебя в столь живописное место для того, чтобы посмотреть на лебедей? Да что там посмотреть! Пощупать! Всех и каждого! Нет. Так что я первый...

Ага, вот именно на этом болоте, если бы я вдруг решила

выйти замуж, я бы устроила фотосессию. Какая прелесть. Я в свадебном платье со стрелой во рту сижу на кочке и громко квакаю, имитируя брачный зов разочарованной в жизни лягушки. Толпа оживленных родственников кормит комаров, попивая шампанское из пластиковых стаканчиков. Моех пьяных подружек душит жаба, а Иван, в лучшем случае царевич, в худшем случае – неунывающий оптимист, хлопает навстречу своей судьбе. Свадебный фотограф-самоучка, который с фотошопом на «вы», с дешевым цифровиком без штатива, чавкает рядом, закатав штаны по самые подмышки. Он – настоящий профессионал своего дела. Ведь все его портфолио давно растащили на демотиваторы с подписью «Бог Фотошопа».

Пока я представляла самую тоскливую свадьбу из всех возможных, лебедь посмотрел на меня как-то совсем не подобию, выгнул шею и захлопал крыльями, а потом зашипел по-змеиному. Я шарахнулась назад.

– А белый лебедь на пруду уже имеет нас в виду... – обрадовался крестный.

– На том пруду, куда второй раз не приду... – тут же разочаровалась я в красивых безобидных птичках, осторожно пятясь. – Ой! А может, это – принцесса?

Лебедь стал подплывать ближе, хлопая крыльями и шипя по-змеиному. Я дернулась назад, поскользнулась и села в болото. Шипел лебедь действительно жутко. И это шипение ну никак не сочеталось с его великолепной благородной внеш-

НОСТЬЮ.

– ...И крылами замахала, воду с шумом расплескала и обрызгала его с головы до ног всего, – с выражением зачитал Фей, отряхивая грязь с рукава черного сюртука. – Принц от страха оступился и в болото приземлился... Кстати, как водичка? Пора открывать купальный сезон или подождать лета?

– Ты знаешь, кто из них принцесса? – перебила я Фея, выбираясь на берег и дергая его за хвост. – Требую подсказку.

– Хорошо, третья справа, – сообщил Фей, показывая хвостом в сторону лебедей.

Третья справа... Так! Я посмотрела на одинаковых птиц. Они как назло сгруппировались и начали перемешиваться.

– Давай, наперсточница, лови ее, и пойдем возвращать красавицу родителям, которые уже столько слез пролили о своей любимой доченьке... Ты себе не представляешь! Целыми днями убиваются от горя, плачут, страдают, а бедная несчастная девушка здесь... улиток ест.

– А можешь ее пометить? – спросила я, чувствуя, что от белого у меня уже в глазах рябит.

– Лови, носи ее сюда. Так уж и быть, махну волшебной палочкой! – ехидно заметил Фей, поигрывая хвостом. – Любой каприз, Мышка. Любой каприз...

Я предприняла еще несколько попыток. Лебеди зашипели, как гуси, стали хлопать крыльями и двигаться в мою сторону, вытягивая шеи.

Я осторожно пятилась. «Лебединое озеро» превратилось в «Птицы-убийцы». Хичкок был в восторге, Чайковский в недоумении, я в ужасе.

Я дернула крестного за хвост, в надежде, что он меня спасет от стаи разъяренных лебедей.

– Ку-ку, – усмехнулся он, чуть свешиваясь. – Это сообщаю, сколько тебе жить осталось. В секундах... Приятно быть кукушкой.

– В твоём случае не «ку-ку», а «ка-ка»! – огрызнулась я.

Лебеди вышли на берег. Для милых птичек они ведут себя довольно агрессивно.

– Они, наверно, заклюют тебя насмерть за то, что ты, такая гадкая, осмелилась приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить этого бездушно-го, черствого кота... – трагично вздохнул крестный, глядя, как дистанция между мной и лебедами неумолимо сокращается. – Ты только посмотри, какие они милые... Особенно когда злятся...

Я резко схватила кошачий хвост и дернула вниз. Комментатор на лету превратился в кота и упал мне на руки.

– Иди ко мне на ручки... – злорадно заметила я, чувствуя, как кот вырывается. – Ты же хотел двух лебедей? Смотри, киса, какие цыпочки... Выбирай любую!

Я бросила кота в лебедей. Птичек мой жест слегка смутил. Они зашипели на кота, кот выгнулся и зашипел на них. Где-то в траве эхом отозвалась одинокая гадюка.

– О! Смотрю, вы быстро нашли общий язык! – съехидничала я, пятясь подальше. Кот зашипел еще раз, и лебеди вернулись в свое болото.

– Все, Мышка, – усмехнулся кот, снова взбираясь на дерево, – лимит спасения на сегодня исчерпан! Я бы рад тебе помочь, но мяу!

Я озверела и бросилась на лебедей. Лебеди с ужасом, увидев такой напор, стали отплывать. Я схватила первого попавшегося, выдернула у него горсть перьев, мазнув его грязью, а потом отвесила ему пинка, мол, свободен. Больше не попадайся. Следующий!

«Меченых» лебедей становилось все больше, синяков на теле тоже. Нет, опять не она. Кто у нас тут дальше по списку? За восьмым лебедем пришлось плыть, разгребая руками зеленоватую болотную тину. Ноги уже не чувствовали дна, а я все преследовала лебеда, норовившего уплыть куда-то на середину болота.

– Ты там перьями не разбрасывайся. У нас дома ни одной подушки! – тревожно заметил кот.

Стоило выдернуть из лебеда горсть перьев, как он тут же забился, и в моих объятиях очутилась худая девушка со светлыми волосами. Есть! Готово! Она со страхом смотрела на меня, а потом задергалась, цепляясь за мои плечи. Она не умеет плавать! Я попыталась вытащить ее на мелководье, но она отчаянно держалась за меня, словно пытаясь утопить. Я и сама плаваю неуверенно, а спасать утопающих никогда

не приходилось. После недолгого барахтанья ногу свело судорогой, и я поняла, что больше не могу плыть.

– Спаси ее... – прокашлялась я, пытаюсь держаться на плаву и держать голову принцессы над водой. В зеленых глазах девицы было столько ужаса и отчаяния, она панически дергалась, пытаюсь на меня опереться. А я пыталась выплыть, чтобы снова сделать лихорадочный вдох и сплюнуть вонючую воду.

Я толкнула принцессу вперед, а сама пошла ко дну... Лимит спасений на сегодня исчерпан.

Сквозь толщу мутной воды я видела свет. Какое-то странное ощущение... Как будто забытое воспоминание... Размытый розовый свет, я лежу и смотрю вверх. А передо мной яркие пятна. Я тяну к ним руку и чувствую, что не дотягиваюсь. И тут вижу, как большое черное пятно закрывает собой все. Мне тепло-тепло... Что-то мягкое и приятное, тихое и совсем-совсем родное рядом. Я трогаю его, а это черное трогает меня... Я вижу два голубых огонька...

Кто-то прикоснулся к моему лицу, я открыла глаза и почувствовала, что не могу вздохнуть. Что-то мешает мне сделать вдох.

– Это точно моя Мышка, а не комок слипшейся грязи? – саркастично заметил Фей. – Вроде она... Надо будет тебя раздеть на всякий случай, чтобы посмотреть особые приметы. Мало ли, вдруг придется опознавать... И не целиком, а по частям...

Я хотела ответить, закашлялась, чувствуя, как из меня выходит вода.

Она течет и носом и ртом... Я кашляю и никак не могу откашляться... Меня тошнит водой, и я цепляюсь руками за что-то мокрое. На меня капает вода.

– Я же сказал, Мышка, если утонешь, купаться больше не пойдешь. – Фей, убрал с моего лица мокрые волосы, перевернул меня и наклонил лицом вниз, сдавливая живот и грудь, – Ну, Офелия, еще литр – и свободна! Не стесняйся. Покажи нам свой богатый внутренний мир...

Я встала на четвереньки и отползла выдавливать из себя еще литр. Принцесса Лебедь молча смотрела на меня. Ни спасибо, ни «как ты себя чувствуешь, принц»... Мои губы дрожали, меня знобило и лихорадило.

***

Энцефалит вез молчаливую красавицу, которая прикрывала наготу волосами, я ковыляла рядом, кот лежал у меня на шее. Пока мы шли по болотам, нас провожали радостным кваканьем лягушки.

– Уважаемые земноводные, – с издевкой заметил кот, – занимайте очередь. Принц целует лягушек только по понедельникам и четвергам. Перерыв с двенадцати до часу... Заявки на страстные французские поцелуи принимаются без очереди. Круглосуточно. Кстати, тебе нравится французская

кухня?

Нет, из меня еще не все вышло...

– Барсик, почему ты злой такой? – устало и сипло поинтересовалась я, подавив мучительный приступ кашля.

– Может, потому, что я – не Барсик? – предположил кот.

Я сделала еще несколько шагов и поняла, что все... Мне конец...

– ... Все, конечная... – простонала я, повиснув на поводьях. – Слезай... Дальше автобус не едет...

– А ничего, что у меня проездной! – возмутился кот, а я смотрела впереди себя, и все вокруг казалось каким-то близким и одновременно далеким.

Все звуки стихли, а я вроде смотрю, но чувствую, что все вокруг какое-то странное... Вроде бы отчетливое, а вроде бы и нет... Тяжесть в голове, и тело какое-то непослушное... И тут картинка резко дернулась вверх.

Придя в себя, я поняла, что лежу на мягкой траве, положив голову на чьи-то колени, и слышу негромкий разговор.

– Зачем ты так с ней? – спрашивал тихий голос.

– Знаешь, принцесса, это – наше личное дело, – зловеще заметил Фей, поглаживая мои волосы. – И вмешиваться не советую. Мы же не вмешиваемся в твою личную жизнь?

– А что вы делаете? – возмутилась принцесса, – Разлучили меня с любимым. Хотите вернуть обратно к мачехе? Нет, я не согласна.

– Птичка, послушай меня внимательно. – Крестный снова

провел рукой по моим волосам. – Хочешь киснуть в болоте – кисни. Принцу нужна половина королевства и деньги. Я всего лишь хочу вернуть то, что по праву принадлежит ему. А ты лучше подвязывай с лебедями. Пора на людей переходить. Но если тебе так дорог твой петух, то вырой ему королевский пруд, укрась отстойник лилиями, поставь скамеечку и любуйся на своего ненаглядного, кроша ему булочку.

– Ты какой-то странный крестный фей... Я помню, что у моей покойной мамы была крестная, но она была доброй... Милый! Милый! Ты прилетел! – внезапно закричала принцесса, так и не рассказав про крестную своей матери.

Я услышала хлопанье крыльев и открыла глаза.

Принцесса стояла на коленях и плакала, нежно обнимая огромную белую птицу. Большой лебедь положил ей голову на плечо, раскинув огромные крылья.

– Итак, Мышка, трогательно, не так ли? И парень, и подушка в одном флаконе. А ты с бедным маленьким котиком не хочешь спать в обнимку. Котик так страдал, а твое черствое сердце не дрогнуло! – заметил Фей, убирая когтистой лапой прядь волос с моего лица.

– Забери меня отсюда, милый... Я не хочу с тобой расставаться! – всхлипнула принцесса, – Они хотят меня увезти, но я никуда не поеду... Я не вернусь...

Я подняла голову, чувствуя, как меня придерживают когтистые руки.

– Грузоподъемность у пернатого жениха маленькая. Кста-

ти, у меня есть отличная идея!

Внезапно лебедь очутился в руках Фея. Он держал его за шею и надменно смотрел на застывшую от ужаса принцессу.

– Итак, принцесса, ты поедешь с нами. Если будешь себя плохо вести, то я откушу ему голову. Мышка, ты умеешь готовить лебедей? Нет, я просто так спросил... – заметил Фей, глядя на то, как бедная девушка покорно садится на землю, опустив голову. – С лучком и чесночком. Специи – по вкусу. Тушить до полной готовности... Я тебе отличный рецепт покажу. Пальчики оближешь. А перья пустим на подушку... Лебяжий пух, как-никак.

Через два часа мы добрались до старого замка. Принцесса ехала на коне и плакала. Я плелась рядом и икала. Крестный нес лебедя, держа его за горло. Прямо перед замком крестный выпустил птицу и превратился в кота, забравшись ко мне на спину.

– Открывайте! – устало произнесла я, чувствуя, что сейчас снова выпадет в такой осадок, что не отскребут. – Принцессу привезли!

Стража в доспехах с изображением лебедя недоверчиво посмотрела на рыдающую девицу.

– Не велено пускать! – авторитетно заявил один из них.

Котик спрыгнул с меня, превратился в человека, подошел к одному из стражников и положил когтистую руку на его плечо.

– Я повторяю для особо одаренных. Принцессу привезли! Открывай! – тихо сказал Фей, склонив голову набок.

– Не велено! Убирайтесь прочь! Там ремонт! – заявил стражник.

– Я вот думаю, в кого тебя превратить? Может, в жабу? Отличная мысль. Только знаешь, в чем проблема? Тебя расколдует поцелуй толстого, потного и бородатого мужика с перегаром. И не просто чмок в щеку, а страстный, глубокий поцелуй... – усмехнулся крестный, не сводя глаз со стражника, побледневшего от такой, во всех смыслах радужной, перспективы.

– Хорошо... – простонал бедняга. – Я откры...

– Ты что? С ума сошел? Да нас тут повесят! – заорал второй, пытаясь ему помешать.

– А в твоём случае для того, чтобы снять заклинание? – поцелуя будет мало... – участливо вздохнул Фей, – Видишь, какой я затейник?

Ворота открылись, стража уступила нам дорогу. Во внутреннем дворе действительно активно шел ремонт. Мы миновали груды песка, камней и досок. Кот снова запрыгнул ко мне на плечо.

Слуги без разговоров проводили нас в огромный зал, где на троне сидела худая, явно немолодая королева в белом платье. По левую руку от нее стоял светловолосый молодой человек с выпученными глазами и неприятной улыбкой.

– Думаю, что золотые подсвечники мы поставим возле

стен! – томно заметила королева. – А между ними повесим гобелен с лебедями! Будет просто чудесно! Хотя... Нет, мне не нравится. Гобелен мы повесим за троном! Так будет красивее! Да, моя радость?

«Радость» поддакнул.

– И золотой сундук. Страсть как хочу золотой сундук! – воскликнула королева, вздыхая и поправляя корону. – Ой! Я закажу себе новую корону! И горностаевую мантию! Мамочка в горностаевой мантии будет смотреться еще красивее, не так ли?

Молодой человек наклонился и лизнул ее руку, снова поддакнув.

Я прислонилась к стене и стала потихоньку по ней съезжать вниз. Какой тяжелый день! И тут королева отвлеклась от ремонта и заметила нас.

– О нет! – заорала королева. Глаза ее округлились, словно она ну никак не ожидала увидеть падчерицу. – Одетт!

Молодой человек тоже посмотрел в нашу сторону. Принцесса попыталась спрятаться за моей широкой, несомненно атлетической спиной настоящего принца. Ага! Сейчас!

– Простите, мачеха! – покорно вздохнула принцесса, жалобно переминаясь с ноги на ногу, как бедная родственница, и выглядывая из-за моего плеча.

– Ты что здесь делаешь? – заорала королева, вскакивая с трона, – Ты должна сидеть на своем болоте! Только не говори, что тебя... Ах вот оно что!... И где этот герой, кото-

рый посмел спасти мою падчерицу! Мало того, что спасти, так еще и расколдовать?

– Мышка, – коварно прошептал крестный мне на ухо, – помаши тете ручкой. Мы бобры! Веселы! Мы пришли за заслуженной наградой!

Я вяло подняла руку и махнула ею, как школьник на перекличке.

– Какая прелесть, подойди ко мне, принц, не бойся, – заметила как-то подозрительно ласково мачеха принцессы. Парень, стоящий позади нее, напрягся и нехорошо оскалился.

– Мне и отсюда вас прекрасно слышно и видно! – заметила я, разглядывая изображения лебедей на всех прилежащих поверхностях. Пора выпускать сувениры, если уж дело на то пошло.

– О! Принц – девушка? Вот это – новости! – воскликнула мачеха, потирая унизанные перстнями руки. – Подойди сюда, не бойся! Я хочу поблагодарить тебя за спасение моей дорогой падчерицы... Ты ведь пришла за наградой? Сейчас я тебя награжу. По-королевски!

– Не подходи к ней, – прошептала испуганная принцесса, хватая меня за руку. – Она тебя превратит в лебедя. Она – ведьма!

– Дерзай, Мышка, – заметил кот мне на ухо, щекоча усами.

В моих руках каким-то чудом очутился договор на возвращение залога, передачу половины королевства Эленбер

в мою собственность и половину казны на дату выдачи. Два экземпляра. Но больше всего меня удивил акт выполненных работ.

«Акт выполненных работ на спасение принцессы. Форма „Принцесса 1“»

– А что ты хотела? Я решил юридически перестраховаться, – заметил кот, спрыгивая с меня.

«Спасенная принцесса – 1 шт. (одна штука). Жива, здорова, цела, невредима, опознана. Доставка до замка осуществлена силами принца (коня). Жалоб со стороны принцессы нет. Принимающая сторона претензий не имеет».

Я подошла к мачехе и протянула документы. Стоило королеве прикоснуться к моей руке, как на ее лице заиграла дьявольская улыбка. Меня подбросило в воздух, а потом швырнуло на пол. Все так поменялось вокруг... Я смотрела на королеву, чувствуя, что либо я стала ростом меньше, либо... Ничего себе! У меня такая длинная шея...

– Ах-х-х-х-х-х-х, ш-ш-што это? – прошипела я, глядя на себя. Я вся была в перьях... В черных перьях. Я взмахнула крыльями, выгнула шею и зашипела на королеву.

– Одилия! Ты ли это? Еще час назад – Офелия, а сейчас уже Одилия! Bravo! – среагировал кот.

Я обернулась. Причем обернулась головой, а не туловищем. Прикольно.

И увидела, как он медленно идет в мою сторону, на ходу

превращаясь в человека.

– Нет, нет, нет! Она – мышка, а не птичка. Мне категорически не нравится... И, пожалуй, я заберу свою лебедку с вашей стройплощадки... – сладко заметил крестный. – А что еще ты умеешь, королева? Или это – предел твоих магических возможностей? Ну, ну... не стесняйся... Показывай...

– Да как ты смеешь? – заорала мачеха, бурля от негодования. – Ты кто вообще такой?

– Если в слове «кто» сделать две ошибки, то получится слово «кот»! Я ответил на вопрос? – усмехнулся крестный, подходя к ней близко-близко. – Ну, старушка, не стесняйся. Давай, колдуй. И скажи своей собачке, чтобы не смотрела на меня таким взглядом.

Фей щелкнул пальцами, и вместо молодого человека на пол шмякнулась маленькая трясущаяся собачонка, смахивающая на чихуахуа, и грозно зарычала.

– Тише, крыса... И не смотри на меня так, – рассмеялся Фей, подразнив собачонку пальцем. – Если у меня на тебя текут слюни, значит, ты – крыса. И не спорь.

– Сигизмунд – куси его! – заорала ведьма, пытаясь что-то изобразить руками в воздухе.

– Сигизмунд, у тебя имя длиннее, чем... – Крестный зевнул. – Ты сам... Ладно, на чем мы остановились? Ах да, на акте выполненных работ и на договоре... Подписывайте, мадам. И тогда, возможно, вы будете млекопитающим. Если не подпишете, то земноводным. На болотах сейчас хорошо.

Комаров много. Мы только что оттуда.

Ведьма с ненавистью посмотрела на крестного, который отдал ей документы, и поставила свою подпись дрожащей рукой.

Крестный щелкнул пальцами, и рядом с Сигизмундом появилась еще одна точно такая же собачка. Фей содрал с нее какую-то висюльку, несмотря на угрожающее рычание, а потом подошел ко мне и ловко выдернул три пера из моего хвоста. Я тут же я стала человеком. Обидно, птичкой была, а так и не полетала!

Мы собирались уходить, но принцесса с ужасом вцепилась в его руку. Заметьте, не в мою, а в его.

– Сделайте меня снова лебедем! Я вас умоляю! – заплакала она, заглядывая Фею в глаза.

– Хм... Лебедем... Хотя... – протянул крестный, доставая бумагу. – Подписывай. Ты передаешь все свое государство под юрисдикцию Принца.

Девушка тут же подписала. Через секунду на ее месте был прекрасный белый лебедь, который вспорхнул и вылетел в открытое окно. Собаки сидели и смотрели на нас, а потом стали заинтересованно обнюхивать друг друга.

– Если будут щенки, нам не предлагать! – заметил Фей, глядя на эту милую картинку. – Да, Мышка? Нам и вдвоем неплохо.

Глава шестая. У меня есть три жены, а четвертой будешь ты!

Когда мы вышли из замка, и я не смогла взобраться на своего полноприводного и, как показал сегодняшний день, еще и внедорожного коня – два на два копыта, грузоподъемностью «один принц + кот» и мощностью одна лошадиная сила, мне стало понятно, что с приключениями пора подвязывать. Волосы пахли болотной тиной, в сапогах хлюпало так, словно я вброд переходила канализационные стоки. Пахло от меня еще хуже, чем от коня. Его задние амортизаторы-ароматизаторы имели куда более приятный запах, чем я и моя одежда.

Не хотелось бы использовать очень плохие слова, но когда я смотрела на кота, почему-то перед глазами мелькали надписи в подъездах. Да что там мелькали! Некоторые из них прямо вертелись на языке!

– Может, ты хочешь мне что-то сказать? – осведомился кот, расположившись у меня на шее. – Обсудить со мной бренности жизни всеобщего спасителя и мальчика по вызову?

У меня даже предлоги были нецензурные. Тщательно подбирая культурные слова, прямо как мэра города – бывший прораб, которому предстояло выступить на трибуне перед

тысячами зрителей, включая женщин и детей, – я с паузами выдала:

– Я... не хочу обсуждать это... с каким-то... котом... Тем более что... наши отношения далеки от дружеских...

– О! Это даже хорошо. Знаешь почему? Я как-то не хочу попадать в тюрьму твоей френдзоны, где на входе висит табличка «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Ты, как почетный тюремщик, иногда навещаешь своих заключенных, подкармливая их ложными иллюзиями. Ты ходишь, позвякивая ключами, и думаешь: пообщаться или нет? – язвительно заметил кот. – Гиблое место. Еще никому не удалось оттуда выбраться. Никого из них ты не амнистировала. А стоит кому-то попытаться бежать, как тут же срабатывает план-перехват в виде свежей порции «иллюзий». Так что другом твоим я быть не хочу.

Я напряглась. Он знает обо мне гораздо больше, чем я себе представляла.

– А кем ты хочешь быть? – удивленно спросила, прикидывая, откуда у него такие сведения.

– Мышка, ты задаешь слишком много вопросов, при этом не отвечаешь ни на один. Я хочу просто быть. И быть собой. Такой ответ тебя устроит? – зевнул кот. – Так что, если ты уже приготовила для меня клетку в своей «френдзоне», можешь отдать ее кому-нибудь другому! Бедные твои узники! Они свято верили в то, что чистосердечное признание – путь к амнистии. Однако нет. Стоит им только признаться в сво-

ем «преступлении», как ты тут же ужесточаешь надзор, продлевая срок заключения, отменяя передачи и положенные им свидания с другими. Так что лучше я пока побуду твоим врагом. Злейшим врагом...

Через три часа мы добрались-таки до Замка Принца. Я доползла до комнаты, раздеваясь на ходу, и устремилась в ванную. Вода была теплой, чуть горячеей. Какая прелесть! Я с удовольствием окунулась, а когда вынырнула, убирая прилипшие мокрые волосы с лица, увидела, что на статуе с кувшином вальяжно расположился кот, созерцая мое купание.

– Ты что здесь делаешь? – прошипела я, отплевываясь. – А ну брысь!

– А что? Ты стесняешься «какого-то» кота? Очень злопамятного «какого-то кота»? Нет, ты продолжай, я просто здесь отдыхаю. Котики ведь имеют право отдыхать там, где им вздумается? Не так ли? – саркастично заметил кот, изображая меховой воротник на плечах статуи и трогая лапкой текущую из ее кувшина воду.

– Но ты ведь...

Я закашлялась, вспоминая, что у кота есть еще одно обличье. И оно меня сильно смущало. В том обличье он – высокий, бесспорно красивый мужчина – мечта любой женщины, кроме меня, разумеется. Нет, когда он молчит, то на него еще можно посмотреть, но стоит ему открыть рот, как тут же хочется его заткнуть грязным носком.

– Ну ты же сказала, что я – просто какой-то котик? – яз-

вительно возразил кот, глядя на меня ярко голубыми глазами. – Так вот, Мышка, я пришел сюда отдохнуть! Не мешай мне! Купайся, а я пока подумаю о том, почему мне показалось, что у тебя правая больше левой? На свежий взгляд, они почти друг от друга не отличаются.

Через мгновение кот ученый превратился в кота моченого, а через секунду после незапланированного погружения на его месте появился крестный, снимая с себя черный сюртук и бросая его на голову статуи.

– Ты не говорила, что хочешь принять совместную ванну. А что? Я всеми лапами за! – усмехнулся он, щелкнув пальцами, – Итак, полумрак уже есть, осталось добавить свечей...

Вокруг нас загорелись неизвестно откуда появившиеся свечи. Я попыталась вылезти, но Фей дотянулся до меня хвостом и зафиксировал на месте.

– Романтика, не так ли? – язвительно спросил он, подвигая меня к себе, не смотря на мои попытки вцепиться в скользкий ободок бассейна. – Потри мне спинку... Ты разочарована? Не этого ожидала? О нет, Мышка, только спинку. Потерла спинку – и свободна. Ты, разумеется, интересуешь меня как женщина, но только как одинокая, независимая и гордая кошатница. Могу помяукать ради приличия.

Мне удалось скинуть с себя удавку хвоста, выскочить из ванной, схватив полотенце, и броситься в комнату, скользя по мраморной плитке босыми и мокрыми ногами.

Стоило забиться под одеяло, в надежде, что котик там сам

как-нибудь утопится, как я поняла, насколько сильно устала. Я уложила голову на подушку, расслабилась и уснула.

Проснулась я среди ночи оттого, что меня прижимают к себе. Мало того, что прижимают, – на меня кое-что положили... В прямом смысле! Длинный, черный как змея хвост обвивался вокруг моей талии. Когтистая рука покоилась на бедре, вызывая в душе бурю вполне справедливого негодования.

Я попыталась дернуться, но не тут-то было. Держали меня очень крепко.

– Ты что! С ума сошел! – заорала я, пытаюсь отпихнуть крестного. Когтистая рука вцепилась в мою филейную часть. – Вон отсюда! Брысь! Я кому сказала!

– Это – моя кровать, я разрешил тебе спать на ней только при условии, что мы спим в обнимку. Ах да, я просто забыл тебе об этом сказать. Так что смирись, – сонно заметил Фей. – Кстати, мы уже так вторую ночь спим, а ты только очнулась!

Хвост сжался вокруг моей талии. Я, сопя от возмущения и негодования, попыталась содрать его с себя. Фей, приоткрыв один глаз, с усмешкой смотрел на мои потуги. Двадцать минут усиленной борьбы, и я почувствовала себя сборной России по футболу.

– Смирись с поражением и спи, Мышка! – зевнул крестный, снова положив мне руку на бедро.

– Нифея подобного! Отпусти меня! Я лучше на полу буду

спать! – возмутилась я, пытаюсь предпринять еще одну попытку побега.

– Не позволю. На полу холодно. Простудишься. Заболеешь. Меня заразишь, – заметил крестный, закрыв глаза.

– Зараза к заразе не прилипает! Чего ты добиваешься? – простонала, чувствуя, как хватка хвоста немного ослабла, – Я видеть тебя не хочу!

– А ты закрой глазки и не будешь меня видеть, – сладко заметил Фей, поглаживая мою округлость.

– Так, все, с меня хватит! Достал уже! Достал! Убирайся вон! Чтобы я тебя больше никогда не видела! – заорала я, толкая его в плечо. – Я тебя ненавижу! Ненавижу! И спать на одной кровати с тобой я не собираюсь! Пустила однажды на свою голову бедного котика под одеяло погреться!

Хвост разжался, а на месте Фея сидел задетый за живое кот и пристально смотрел на меня.

– Итак, подведем итог нашего недолгого знакомства. Ты как была упрямой дурой, так ею и осталась. Вместо того чтобы пересмотреть свои взгляды на жизнь и понять, что не нужно жертвовать собой ради других, ты продолжила это делать с маниакальным усердием. Твоим родным нужно ставить памятник и каждый день соскребать с него птичьи какашки. Отличная дрессировка. Это раз, – произнес кот, вскидывая голову.

– Но... – возразила я, чувствуя себя растерянной.

– Так. Ты уже сказала все, что хотела, теперь – моя оче-

редь. Не терплю, когда меня перебивают. И не люблю слушать жалкий лепет опоздавших оправданий, – как-то совсем не в свойственной ему манере произнес кот. – А теперь два. Ты всю жизнь удивлялась: а почему это я, такая симпатичная, неглупая и все такое – одна одинешенька? Кажется, я нашел ответ. Ты одинока потому, что тебе никто не нужен. У тебя нет друзей, и никогда бы их не было. Когда тебе никто не нужен, люди видят это и понимают, что рядом с тобой им делать нечего. Ты врагов подпускаешь ближе к сердцу, чем друзей. Ладно, Мышка, живи, как хочешь. Без меня ты пропадешь. А вот я без тебя – нет. Прощай. Если вдруг соскучишься – назови мое имя. Ты его знаешь. Одно из моих имен. Все как в сказке... Произнеси вслух мое имя, и я вернусь.

И кот исчез. «Только сказка совсем не о том, как поссорила Юля с котом»! – мысленно усмехнулась я. И что? Ну, слинял котик? Просто невосполнимая утрата! Кот на то и кот, чтобы махнуть хвостом на все и уйти, когда ему вздумается, а потом приползти на последнем издыхании, мол, нагулялся. Ха! А вдруг его природа позвала? И скоро в каждом дворе будет говорящий котенок? Надо предупредить людей, чтобы они успели утопить это исчадь до того, как оно открывает рот!

Я посмотрела на мятую подушку и молча легла спать, накрывшись одеялом с головой. Утром я проснулась одна. Все! Я чувствовала себя Кевином Маккалистером! Делай, что хо-

чешь! Сейчас должна заиграть музыка в стиле «I feel good», но не заиграла. Было тихо, спокойно и так хорошо. Не надо куда спешить, никого спасать. Просто выходной какой-то!

Я еще долго лежала в тишине и уюте, обнимая подушку и наслаждаясь приятным теплом одеяла. Ах, какая красота, если в доме нет кота!

Слуги тоже куда-то исчезли, поэтому пришлось ползать по закромам, чтобы сварганить себе завтрак на скорую руку. Средневековая кухня немного огорчила мой желудок, который тут же отплатил жестоким несварением.

В замке стояла абсолютная, гробовая тишина. Мне стало так спокойно, так привычно, что я совсем расслабилась. Ах, какая радость, если вдруг заткнулась гадость!

Я читала книги, ела яблоки, грызла сырую чищеную морковь, наслаждаясь одиночеством. Я даже три раза искупалась. Попряд. От нечего делать. Так прошло пять дней. На шестой день я поняла, что тихо схожу с ума от скуки. Ладно, подойдем к зеркалу, посмотрим, может, кто-то нуждается в срочной помощи.

«Обеспокоенные судьбой дочери родители переживают за свою кровиночку. Недавно она вышла замуж, и с тех пор от нее нет никаких вестей! Умоляем вас, помогите нам. Мы готовы отдать половину королевства тому, кто прояснит судьбу нашей девочки!»

Я посмотрела на карту. Почему бы и нет? Покажем уса-

тому-волосатому, что я и без него прекрасно справлюсь. Я заполнила заявку, которую тут же одобрили, вынула из зеркала договор, свернула его и засунула в рукав.

Мы с Энцефалитом поплелись по пыльному тракту, сверяясь с картой. После «Пр-р-р!» и «Стоять, не туда!» наконец-то набрали на первый ориентир.

– Думаешь, это то самое дерево? – уныло спросила я, растерянно глядя на карту, а потом переводя взгляд на ориентир. Конь, разумеется, не ответил.

– Знаешь, лошадкин, а ты мне сразу понравился... Ты – понятливый. Веришь или нет, но я привыкла к одиночеству. Просто мне так удобнее. Меня никто не тревожит, не беспокоит, не дергает. И ни с чьими интересами считаться не надо! Меня все устраивает. Знаешь, в моей жизни был такой период, когда я мечтала о том, чтобы просто побыть одной. И чтобы все про меня вдруг взяли и забыли! Мне так хотелось исчезнуть, испариться, спрятаться...

Энцефалит плелся медленно. И молчал. Вполне логично. Если бы у меня был еще и говорящий конь, у которого рот не закрывается, то я бы окончательно сошла с ума.

– Ты ведь меня понимаешь? – продолжила я, изливать душу. – Я просто не хочу, чтобы в мою жизнь кто-то бесцеремонно вторгся! Вот тебе приятно было бы, если бы в твою жизнь кто-то вмешался, при этом ведя себя действительно по-хамски? Нет, неприятно. И мне неприятно. Эй, Энцефалит, ты меня слушаешь? О! Смотри-ка, второй ори-

ентир. Отлично! Мы движемся в верном направлении. Так вот, на чем мы остановились? На коте! Он – наглый, бессовестный, хамоватый и жестокий. Что в нем хорошего? Ничего! Толку от него никакого, радости тоже мало, скорее – одни неприятности. И без него будет лучше. Намного. Я в этом уверена! На все сто процентов! А еще у него рот не закрывается. Такое чувство, что ему давно хотелось с кем-то поговорить... Хм... А вдруг и правда, ему просто не с кем было разговаривать? Может, он тоже чувствовал себя одиноким? Хотя, какое это имеет значение? Наши дороги с ним разошлись.

На горизонте вырисовывался воистину сказочный замок. Ничего зловещего, устрашающего или пугающего в нем не было. Белые аккуратные башенки цепляли облака, а вокруг замка рос густой, но при этом вовсе не мрачный лес. Осень радовала яркими красками, а опавшие листья золотом устлали широкую дорогу. Это тебе не мрачные болота или заброшенная башня черт знает, в какой глуши. Я даже слезла с коня, чтобы пройтись пешочком.

Пока любовалась красотой местной природы, вляпалась в чужой уже полностью переваренный ужин. Я долго вытирала сапог об листву, проклиная то зверье, которое не донесло самое ценное до ближайших кустов, а решило заминировать проезжую часть. Я палочкой отковыривала эту бяку с подошвы, надеясь, что это – к деньгам. Ну, судя по размеру, к очень большим! Хороший знак! Был бы кот, он бы

не умолчал. Но котка рядом не было, поэтому я частично заляпав правую руку, умудрилась разорвать прочную взаимосвязь между моей подошвой и этой мерзостью. Руку я наскоро вытерла листиком. Все! Правую руку к лицу я не подношу.

Мы были уже у ворот замка, миновав живописную деревеньку.

– Стой! Кто? – спросил подозрительный стражник, заслоняя рукой глаза от лучей заходящего солнца.

– Незнакомая таинственность! – усмехнулась я, закатывая глаза.

– Передайте его величеству, что приехала какая-то неизвестная таинственность! – зычно крикнул он кому-то.

Через минут десять меня пропустили в замок.

Я молча спешила и пошла в сторону красивой лестницы, ведущей к роскошному входу. Нет, здесь определенно очень красиво. Не то что у меня. Моему замку капитальный ремонт не просто не помешал бы, а требовался срочно!

Бодрым шагом я вошла в тронный зал и увидела очень симпатичного монарха, сидящего на высоком белом троне. Если бы я проводила конкурс «Самые красивые мужчины, которых я видела в жизни», то этот товарищ возглавил бы мой личный рейтинг. Жаль, что он уже занят, как туалет в гипермаркете в час распродажи. А котка, несмотря на его внешние данные, я бы дисквалифицировала... за... за... за допинг. Сначала бы дисквалифицировала, а потом стала бы

разбираться, а был ли допинг? Ну нужен же какой-то предлог?

Король с явным интересом смотрел на меня. Светлые, прямые волосы, зеленые глаза, четкий профиль. Недурно. Совсем недурно.

– Я вас приветствую! – доброжелательно улыбнулась я, глядя на этого красавца. – Я – ваш сосед. Или соседка. Ехала мимо и решила навестить.

– Неужели! – восхитился король, вставая с трона. – Мне так приятно вас видеть! Поскольку мы оба – монархи, то ни к чему эти церемонии.

Он подошел, взял мою правую руку и стал активно ее лобызать. Я покраснела и смутилась. Мне никогда не целовали руку. Интересно, порадовать его подробностями, что делала эта рука полчаса назад, или просто подождать, пока он ее вылизает?

– Я очень рад, что вы решили приехать! Я – домосед и очень редко покидаю замок. Вы уж меня извините, – смущенно улыбнулся красавец. Все, рука чистая. Мыть не надо. Я покраснела, стараясь не всхрюкнуть от смеха, но монарх списал это на женское смущение.

– А могу ли я засвидетельствовать свое почтение вашей молодой супруге? – спросила я, собирая губы в трубочку, чтобы не рассмеяться. Нет, это все-таки самый приятный способ мыть руки!

– Супруге? – вдруг погрузнел король, а потом отвернул-

ся. – Простите... Мне тяжело об этом говорить... Но она... она скончалась несколько дней назад... Я до сих пор не могу отойти от этого потрясения...

«Король – вдовец, я и тебя пристрою!»¹ Теперь понятно, почему мама и папа принцессы так обеспокоены. Им еще не сообщили. Письма с того света на этот доходят не лучше, чем посылки, отправленные по «Почте России».

– А вы уже сообщили ее родителям? – поинтересовалась я, делая вид, что очень соболезную и сочувствую.

– Увы, еще нет... Просто... Знаете, мне трудно подобрать слова, чтобы выразить мое горе... – король грустно посмотрел в мои глаза. – Я рад, что вы приехали. Я думал, что сойду с ума. Простите, я не хочу говорить об этом. Жизнь продолжается... Не хотите поужинать вместе со мной?

Ну раз руки помыли, отчего бы не поужинать? Напомните мне, если он полезет целоваться, чем я занималась на дороге, сломав три палочки.

– Я вас прошу! Не откажите мне в любезности. Мне так одиноко... – склонил голову король, заглядывая мне в глаза.

А я и не думала отказываться! Я всеми конечностями только за! Мне тоже очень хочется поговорить! Я пять дней ни с кем не разговаривала! У меня во рту все слиплось и заваляло за это время!

Мы с хозяином сидели за столом, слуги мельтешили и суетились, стараясь мне угодить. Я сразу стала вспоминать

---

¹ Из фильма «Золушка» 1947 года (прим. авт.).

правила этикета. С этикетом я недружна. А что вы хотите? Современные хорошие манеры просты до неприличия. В знак уважения желательно снять солнцезащитные очки, вытащить наушник из уха и выплюнуть жвачку. Но если ты безмерно уважаешь собеседника, придется вытащить второй наушник и положить телефон в карман. Вот и все. А тут куча вилок, ложек, ножей, ножичков. Такое ощущение, что на белой салфетке расположился набор хирургических инструментов. «Сестра – салфетку! Теперь скальпель номер один, потом скальпель номер два!» Готово! Курица разделана! А потом хрум-хрум! «Мы ее теряем!»

– Если бы вы знали это щемящее чувство одиночества, когда даже и поговорить не с кем... – заметил король, задумчиво глядя на меня. – Понимаете, я не очень любил свою супругу. Да, я относился к ней с уважением, как и подобает. Я выполнял все ее капризы, прихоти, но в моей душе была пустота... Я, рожденный королем, всегда понимал, что брак по любви – это роскошь, которая монарху не доступна... Но вот сейчас, глядя на вас, я понимаю, что... простите... это действительно звучит нелепо... Я влюбился... С первого взгляда... Как только вы вошли, я понял, что вот она, та, единственная, ради которой можно горы свернуть. И вот удача! Вы не какая-нибудь бедная крестьянка, вы – моя ровня. Неужели бывают такие совпадения?

Простите, сударь, я гарнир заказывала на тарелке, а не на ушах. Не люблю я липкую холодную яичную лапшу

с ушей. Но я мило улыбалась, ковыряя ужин чем ни попадя. Одну вилку погнула, одну надломила, а потом решила, что не так уж и голодна, чтобы оставить хозяина без столовых приборов. Ну-ну, дружок, к чему ты клонишь? К чему эти дифирамбы? Да, камера во «френдзоне» свободна. И это единственное место, куда я пока что тебя определила. Но ее нужно заслужить. Я категорически не люблю мужчин, которые сразу начинают выстилаться и с ходу заводить разговоры о любви. Таким мужчинам всегда что-то нужно. Причем, к любви это не имеет никакого отношения.

– Давайте объединим наши королевства... – вздохнул король, разворачивая какой-то договор. – Разумеется, если вы не против... Просто... я действительно боюсь, что вы завтра уедете, растворитесь, исчезнете... Я предлагаю вам руку и сердце... Все, что у меня есть...

Ух ты! Какой шустрый! Руку и сердце! Мы тут час как знакомы, а меня уже умаслили так, что сидеть больно, предложили замуж, клянясь в вечной любви с первого взгляда. Он, случаем, не читал книгу «Эксплуатация женщины»? Что-то тут не то. Валить отсюда надо! И чем быстрее, тем лучше.

– Или ваше сердце уже занято? – ревниво спросил красавец, сверкнув глазами.

Занято? Да нет, просто оно закрыто на ремонт. Если в юности я думала, что сердце – это алтарь, то, становясь старше, понимала, что остальные считают его общественным туалетом. Пришел, нагадил и ушел. Там, как в образцовом

туалете, всегда есть место для «кабинета уборщицы», где в одинокой кабинке поселились ведра, швабры, а в уголке стоит воняющая хлоркой панацея от всех известных микробов. А то ходят все, гадят где ни попадя, а потом убирай и чисти. Проще повесить табличку «закрыто на ремонт», чтобы не выскребать воспоминания и чувства.

– Нет, оно просто закрыто, – усмехнулась я, делая вид, что пью из кубка. – Ладно, я пойду. Мне пора. Я бы не хотела обременять вас своим присутствием в столь поздний час.

– Пойдите! Я не хочу вас потерять! – воскликнул король, вскакивая с места и опрокидывая кубок.

– А мне почему-то очень хочется потеряться... – заметила я, подозрительно глядя на него. – Над вашим предложением я непременно подумаю. Проконсультируюсь со знакомыми. Можете оставить мне копию вашего договора. Спасибо за ужин. Всего хорошего.

Я встала, скомкала салфетку. Все, операция окончена. Пора мыть руки. Пациент в виде курицы скончался еще до того, как попал мне на стол. Я бы даже сказала, что задолго до того. Было у меня предчувствие, что этот птеродактиль бороздил бескрайнее небо юрского периода, удачно упал в болото, а потом был случайно откопан и подан к столу. Перед этим его варили два дня подряд, проверяя готовность вилкой, а потом плюнули, возможно, даже в котел, и решили обжарить ради приличия до хрустящей корочки. Так что сыта я по горло таким гостеприимством. Лучше дома себе овсян-

ку с яблоками сварю.

Король кивнул кому-то из слуг, и дверь в комнату закрылась. Вот это поворот! И еще один! Ключ вынули из скважины и отдали королю.

– Куда же вы, красавица? – спросил его величество, подходя ко мне. – Я не могу вас так просто взять и отпустить...

Хм... А я могу вот так просто тебя «опустить». С небес на землю, разумеется. Нет, смазливая мордашка – это большой плюс, но что-то наш счастливый вдовец уж больно шустрый. Остап Бендер развел руками для того, чтобы похлопать в ладоши.

– Я готов жениться на вас прямо сейчас! – воскликнул монарх, падая на колени и хватая меня за руку. «И ночью звездной, и при свете дня! Не покида-а-ай, не покидай меня!». Тьфу!

Здорово! А шарики будут? А можно торт трехэтажный? Если он сейчас меня не выпустит, то трехэтажным будет не только торт...

– Давайте побудем сначала друзьями по переписке? Надо же с чего-то начинать? – удивилась я такой поспешности. Кот по сравнению с этим «ловеласом» просто бог пикапа. Нет, ну может, какая-нибудь Золушка тут же согласилась бы. Но у Золушки из приданого только родственники и говорящее зверье. Да и родственники – еще тот зоопарк. А тут сам король...

– Выпустите меня отсюда, – холодно произнесла я, не сво-

дя с него глаз.

– Куда вы поедете на ночь глядя? – произнес король, пряча ключ в карман.

И попытался меня поцеловать, рассчитывая, что обильный слюнообмен ускорит процесс моего покорения. Но смею его разочаровать. Целоваться я ненавижу. Я сразу вспомнила все попытки вырвать мне гланды, облизывать меня, как французский бульдог и изучить пломбы, прикрываясь неземной страстью.

Я терпеливо ждала, когда «романтический порыв» закончится, в надежде, что он сделает это раньше, чем начнется рвотный позыв. Попался однажды мне романтический «вантуз», который, как пылесос, пытался всосать меня без обратной тяги. Поцелуй, если это можно назвать поцелуем, сопровождался чавканьем и утробным урчанием. Примерно так урчит моя раковина, когда уходит грязная вода. Был в моем послужном слюнявом списке и один удавчик, который пытался проглотить меня целиком, перекрыв доступ к кислороду. Все мои попытки отдышаться он воспринимал как возбуждение и сигнал перехода к более решительным действиям. Очевидно, в детстве парню попалась родительская видеокассета не с легкой эротикой, а со всеми частями «Чужого». После такого поцелуя я пересмотрела свое отношение к этому фильму с точки зрения очевидца и выжившего. Кажется, что удав не целует, а личинку собирает в меня откладывая. После такого «поедания» продолжать уже не хоте-

лось. Так что романтичный слюнообмен меня уже мало чем удивит. И явно не порадует.

– Прекратите немедленно! – скривилась я, вспоминая грязное приключение на дороге.

И он прекратил. Как ни странно.

– Хорошо, – холодно произнес он, отстраняясь и глядя с презрительной улыбкой. – Подписывай брачный договор!

– С какого перепугу? – подняла я брови, чувствуя себя мадам Грицацуевой. «В дебрях Амазонки жил король угрюмый...»

– Ты прискакала сюда, для того, чтобы справиться о судьбе моей жены? – холодно спросил он. – Так вот, моя третья жена была сиротой. Ее родители умерли, когда ей было двенадцать. Так что ее земли теперь целиком и полностью принадлежат мне. Точно так же, как и земли первой и второй жены. А эту заявку написал я, зная, что ты, судя по твоим подвигам, не сможешь пройти мимо. Теперь у тебя нет выбора. Ты на моей земле. У тебя нет родственников. Понимаешь, о чем я? Так чем тебя не устраивает фиктивный брак?

– Твой дефективный брак меня всем не устраивает, – заметила я, справедливо прикидывая, что три жены подряд не умирают от легкого недомогания в связи с открытой форточкой.

– Как только я узнал, что ты умудрилась за пару дней отхватить себе приличный кусок карты, моя последняя супруга очень сильно расстроилась и умерла. Так что соглашай-

ся по-хорошему! – как-то совсем недружелюбно заметил король. – Хотя вижу, что по-хорошему ты не хочешь. Стража! Взять ее! Посадить в камеру!

Меня схватили. Я особо не сопротивлялась, понимая, что силы надо беречь. Зубы тоже. С тяжкими телесными я далеко не убегу.

Глава седьмая. Пятьдесят оттенков черного

Меня привели в камеру, где на полу валялся тюк прелой соломы, издающий отвратительный смрад. Неподалеку стояла глиняная миска, в которую по капле собиралась вода, сочащаяся со стен. Круто! В сказку можно попасть, а можно вляпаться. Так вот, на сапоге осталось еще немного этой зловонной сказки. Я обиделась сама на себя. Нет, конечно, это было глупо. А с другой стороны? Не то чтобы я пожадничала, нет. У меня есть свое королевство. Считай, полтора. Вполне неплохо. Да и насчет принцессы... Не так уж мне ее и жалко. Я ее совсем не знала... Хотя все равно... жаль... Ладно, не будем о грустном. Ей уже не помочь.

Итак, что мы имеем? Он рассчитывает на мои земли в качестве приданого, а я могу рассчитывать на быструю и относительно безболезненную смерть. Не считите меня гуманитарием, но такие расчеты напрягают. А пока что я могу рассчитывать на камеру без окон, приблизительно два на два метра. Из достопримечательностей есть только толстые ржавые прутья решетки и охрана, которая дежурит в коридоре. Вспоминаем кинематограф. Побег через окно, подкоп и обман. Есть три варианта. Окна нет, копать нечем, разве что ногтями, поэтому остается придумать, как обвести эту «си-

нюю бородавку» вокруг пальца.

– Что? Очередная? – оскалился чернозубый тюремщик, поигрывая связкой ржавых ключей и разглядывая меня сквозь прутья решетки.

– Очередная – это какая? – поинтересовалась я, подгребая под себя солому. – Огласите весь список, пожалуйста!

– Эм... Три жены... тридцать две служанки... Итого... Тридцать шесть, – подсчитал тюремщик, почесывая подбородок.

– Тридцать пять! – поправила его я, понимая, что имею дело с чистым гуманитарием.

– С учетом тебя – тридцать шесть, – вздохнул он, надевая себе на палец ржавое кольцо с ключами. – Ты, считай, уже труп.

Я промолчала. Грустная сказка постепенно превращалась в гнусную быль.

– Мы за тобой следим! Не вздумай наложить на себя руки! – предупредил тюремщик, проводя ключом по прутьям клетки. Я дернулась, чтобы попытаться выхватить ключ, но он явно ожидал такого рывка, поэтому резко отскочил, снова скалясь своим прогрессирующим кариесом.

Я свернулась калачиком на колючей и вонючей соломе и попыталась уснуть. Но что-то кололо в бок. Я подлезла рукой под себя и вытащила изящный медальон на массивной цепи с изображением красивой золотоволосой девушки. «Я тебя люблю. Генрих» – значилось на крышке медальона. Бед-

ная девочка. Сходила замуж по большой любви. Медальон я надела на шею и наконец уснула.

Утром ко мне заглянул «жених» с документами.

– Итак, моя дорогая невеста, ты надумала? – поинтересовался красавец, которого звали воистину королевским именем Генрих, оставаясь на безопасном расстоянии от клетки. – Если подпишешь, я могу и смягчиться... Ты хоть представляешь, что тебя ждет, если ты будешь упрямитесь?

Ага! Несите бинокль! Сейчас буду заглядывать в светлое будущее! Ядерный взрыв тоже можно считать по умолчанию «светлым будущим», если судить по ослепительной вспышке. Не знаю, как другие принцессы, но я ничего подписывать не собираюсь. Пока документы находятся на стадии согласования, убивать меня не станут.

Прошло примерно четыре дня, за которые я узнала много нового. Караул меняется каждые три часа, миска наполняется приблизительно за сутки, а меню не блещет разнообразием. За это время я испробовала все дипломатические способы решения проблемы, от «Гена, мы же с вами взрослые люди!» до «У тебя комплексы? Давай поговорим об этом! Тебя в детстве кто-то обидел?». Но все тщетно. Я имела дело не с обычным психопатом, а с холодным, расчётливым и очень меркантильным садистом.

– А не могли бы вы оставить экземплярчик договора? – попросила я, протягивая руку. – Я хочу почитать...

Экземпляр мне оставили. Через час после приема пищи,

ниспосланной узнице в виде баланды с отрубями, я по достоинству оценила приятную шероховатость юридических формулировок.

За это меня перевели с низкокалорийной диеты на диету «Ноль калорий».

Вечером пятого дня ко мне снова явился его величество, намекая на то, что все будет хорошо, если я поставлю свою подпись. Правда, кому будет хорошо, он так и не уточнил. Да, так настойчиво замуж меня еще не звали! Но я прекрасно понимала, что если подмахну документик, то тут же махну в другой мир. И я имею в виду не мой мир, а некий неизведанный, но, судя по уверениям некоторых суицидников, «лучший». Искать отличия между мирами мне категорически не хотелось.

– Чувствую, скоро придется прибегнуть к крайним мерам. Через пять минут пыток ты подпишешь абсолютно все, – разочарованно произнес Генрих, сворачивая документ в трубочку. От венца до конца – один шаг.

Плохо дело. Меня собираются пытаться. К своему имуществу я всегда относилась ревностно, но умирать из-за горстки земли тоже не смешно. Лишаться своих земель и замка мне очень не хотелось, вспоминая с каким риском удалось их заполучить. В голове играла забавная песенка «До свадьбы ни-ни!» Свадьба. Это пока что единственная возможность выиграть время и пусть ненадолго покинуть камеру.

– Хорошо, я подпишу. Но сначала свадьба по всем прави-

лам! Понимаешь, я всегда мечтала побыть невестой. Белое платье, цветы, красивый жених... Это так романтично... – вздохнула я, понимая, что ничего романтичного в свадьбе нет. Особенно в такой.

«Как же тебе повезло! О! Моей невесте! Завтра мы идем тратить все свои... Все твои деньги... Вместе!» – прозвучало в голове, вызывая сардоническую улыбку. И кому же в ум придет на желудок петь голодный?

– Свадьба? – переспросил меня «жених», задумываясь, а потом заметно оживляясь. – Хорошо, будет тебе свадьба! Так даже лучше! Через три дня мы с тобой поженимся.

Отлично. Сама напросилась. Через час с меня сняли мерки. Не только грудь, талию и бедра, но и рост от макушки до пяток, а так же ширину плеч. Ну правильно, пока швеи шьют мое свадебное платье, плотники усиленно стругают бюджетный сосновый макинтош.

Чтобы я дотянула до свадьбы, мне принесли миску с какой-то кашей. Из каши торчали кости. Куринные кости. Птеродактиль? Ты ли это? В итоге кашу я съела, кости выбросила. Кормят меня, честное слово, как Бобика на огороде. Понимаю, что невесты перед свадьбой частенько садятся на диету, но не на жиденькую баланду с очистками и не на кашку с мясными субпродуктами.

Я обхватила колени руками. Итак, через два дня я выхожу замуж. Не знаю, как судьба повернётся. Даст ли она мне шанс сбежать или нет, но нужен запасной вариант на слу-

чай, если все будет очень плохо. Есть у меня на этот счет некоторые соображения. Да... Сколько всего мне придется выслушать... А с другой стороны – жизнь у меня одна. Другой жизни у меня нет. Я постараюсь сделать все, что смогу, но вдруг... Тут либо смириться, либо мириться. И на секунду второй вариант показался мне предпочтительней.

– Васька? – позвала я, бросая пробный камень. – Кис-кис-кис! Борис! Китикэт!

И тишина. Нет, Васька – это слишком просто. Судя по его характеру, он больше на Люцифера смахивает!

– Люцифер! – крикнула я, в надежде, что угадала. Заодно пусть подумают, что я тут дьявола вызываю, и сейчас мало им не покажется.

Нет? Странно. Асмодей? Люциус? Ксенофонт? Барбарис? Сруль? Песец? Аппендикс? Кстати, классное имя для кота! Сруль? А! Сруль уже был. Маркиз? Тунец? Феликс? Альф? Самаэль? Мяурицио? Салем? Пиксель? А что? «Кс» есть. Чем не имя? Холодец? Крокус? Фикус? Кактус? Хотя... Пойдите... Я размяла губы, мысленно проговаривая вариант имени.

– Румпельштильцхен! Кхе! – позвала я, чувствуя, что моему языку очень срочно нужен гипс. Если бы меня так звали, то меня бы никуда не звали.

Еще часа два я составляла списки кошачьих и условно кошачьих имен. Моя фантазия собрала чемоданы, махнула рукой на прощание и отправилась в неоплачиваемый отпуск.

– Бальтазар! Базилио! Базилик! – немного вздремнув, я решила пойти в алфавитном порядке, – Безоар! Бензин! Бонифаций! Бертран! Бенедикт! Бегемот!

Тюремщик, проходя мимо, тяжело вздохнул, понимая, что я на радостях от предстоящего бракосочетания с последующим умерщвлением слегка спятила. Да, похоже на то.

– Альфонс! – позвала я, вспомнив, что пропустила это имя на предыдущем круге мозгового ада, – Короче! Хватит на меня обижаться! Давай, дуй сюда! У меня тут бракосочетание намечается! Если не успеешь на свадьбу, то, будь так любезен, не пропусти мои похороны!

Я полежала, глядя в потолок, а потом снова задремала. Во сне вращалась куча имен, которые я уже называла, а следом появлялись какие-то новые, чудовищные. Я с удовольствием их запишу при первой же возможности, дабы вдохновить писателей фэнтези. Выпердоэль Тирамиссоэлевич? Как вам имя главного героя эпической эльфийской саги на три тома? Осилите? Я – нет. Если кота зовут Имсармондиэль или Улешировириэль, то пусть пригласительный себе заполняет сам. «Плачет-рыдает паспортный стол. Имсармондиэль к ним за бланком зашел!»

– Шушпанчик? – вяло позвала я. Если котэ откликнется, то я буду долго валяться на полу, несмотря на то, что он грязный. Нет? Все бесполезно. Зато есть чем заняться! Не так скучно.

– Леопольд! Выходи! Выходи, подлый трус! – уныло про-

тянула я. Но либо на труса он сразу обиделся, либо котишку зовут не Леопольдом.

Прошел второй день игры «в угадайку». Каша с куриными костями меня гастрономически не прельщала. Желудок активно протестовал против такого рациона. Каждый раз, когда я на нее смотрела, пищеварительный тракт намекал мне, что с ним лучше не ругаться. А то он вернет все подарки. И, судя по его настрою, за весь период вынужденной смены рациона.

– Евлампий! – предположила я, глядя на ржавые толстые прутья. – Астерикс!

Дал же тебе кто-то имечко! Я перешла на женские имена, но толку было мало.

– Скунс! – захныкала я, чувствуя, что я ничего не смыслю в кошачьих именах. – Сколопендр! Ша-а-арик! Рекс! Мухта-а-ар! Леголас!

И тишина. Да... Мое терпение было уже на исходе. Терпение короля тоже. Уж больно чесалось ему расширить свой огород за счет моих соток. Ишь, какой амбициозный. Но мяу... Облизнется. Плохо, что у меня нет родственников, которые хотя бы для очистки совести кинули заявочку на мое спасение. Меня бы, разумеется, никто не спас, но было бы чертовски приятно... знать, что я хоть кому-то нужна...

Я поджала под себя ноги, положила руку под голову и уснула. Голова пухла от обилия имен, но я упорно прогоня-

ла от себя этот мучительный ком слипшихся мыслей. Я пыталась мысленно представить кота и сосредоточиться на нем. И тут увидела нечто розовое... Розовое и кружевное. Я лежу и смотрю на эту розовую штуку, а рядом, уместившись со мной на одной подушке, лежит... кот! Я трогаю его, а он открывает глаза. Я прижимаюсь к коту, он обнимает меня лапами. В тот момент он кажется мне таким большим и пушистым.

Нет.

Не может быть!

Я проснулась и уставилась в отсыревший потолок. Когда я была маленькой, у нас дома был кот... А я почему-то этого не помню... Одно из имен, которое я знаю...

Я стукнула рукой по стене. Откуда мне знать, как звали кота? Я тогда под стол пешком ходила! Странно, но когда смотрела свои немногочисленные детские фотографии, котом даже не пахло. В переносном смысле. В прямом тоже.

– Итак, моя дорогая невеста, – раздался голос короля, выводя меня из состояния задумчивости. Ключ повернулся в замке с душераздирающим скрипом. – Пойдем!

Да чтоб вас так будили! «Вставай, вставай! На казнь не опоздай!» Или «Подъем! Подъем! Тебя пытать идем!»

Я встала, стиснув зубы. Когда я была маленькой у меня был кот... И мы спали с ним в обнимку... Вот почему он так настойчиво требовал, чтобы я взяла его в кровать. Как его звали? Может, из какого-нибудь детского мультика? Нет,

вроде все перебрала. Раньше мне тоже иногда снилось что-то похожее, но я никогда не придавала этому сну особого значения. Детство я вспоминать не люблю.

На меня надели ржавые кандалы и повели по коридору. Нет, я не так себе представляла поход к алтарю. К нашей процессии тянули исхудавшие руки какие-то узники, но стража молча игнорировала их. «Зеленая миля и Синяя Борода». Смотрите во всех кинотеатрах.

Я впервые за долгое время увидела солнечный свет. Меня отмыли, почистили, привели в порядок, нацепив на меня достаточно скромное по меркам королевской свадьбы белое платье. Волосы украсили венком из белых цветов. И все это под неусыпным взором целого почетного караула.

– Простите, – прошептала я служанке, дергая ее за рукав. – Ваш король собирается меня убить! Помогите мне бежать, я вам отплачу...

– Эй! Стража! Невеста требует, чтобы я помогла ей бежать! – крикнула служанка, накручивая мне какое-то гнездо на голове. – Свяжите ее сейчас. Руками я заниматься не буду. Все равно там будет веревка...

Мои ноги связали, так, чтобы я могла ходить мелкими шажками, как стреноженная лошадь, а потом связали руки, задекорировав веревку цветами. В зеркале отражалась симпатичная невеста, держащая букет цветов двумя руками. Странно, а вдруг я букет захочу бросить? Так сказать, передать эстафету? Или здесь невесты букеты не бросают... На-

верное, не бросают. Примета плохая... Я сразу представила, как бросаю букет, а девушки разбегаются в разные стороны.

Мы с женихом вышли на балкон, где нас поприветствовал радостными криками простой люд. Жених, широко улыбаясь, приветливо махал публике одной рукой, а другой обнимал меня, упираясь острием кинжала мне в спину. Просто идиллическая картинка. Подмывало крикнуть что-то в стиле: «Люди! Ваш король – убийца!», но кинжал намекал, что лучше не рисковать. Тем более толпа орала так, что перекричать ее было бы невозможно.

– А теперь мы отправляемся к алтарю. Все, как ты и хотела, – обрадовал король, поправляя корону на голове. Вокруг нас стоял почетный караул. Я пыталась распутать веревку на руках, но король – многократный вдовец – уже имел горький опыт, поэтому стража была начеку. Интересно, он уже дал задание перерисовывать атласы или еще нет?

– А теперь подписывай договор, – процедил новоиспеченный супруг, протягивая мне единственный экземпляр. – Сначала подпись, потом церемония!

Я отрицательно покачала головой. По его лицу ползла отвратительная улыбка садиста.

– Сама напросилась. Я планировал оставить это удовольствие на первую брачную ночь, но увы! – рассмеялся монарх, давая страже понять, что мы отправляемся в свадебное путешествие в казематы. Жутко романтическое место, скажу вам честно.

Меня привели в пыточный зал, напоминающий музей инквизиции. Испанский сапожок, дыба, какие-то клетки шипами вовнутрь. Испанским сапожком меня вряд ли испугаешь. Не в первый раз покупаю себе обувь в магазине китайского конфиската. А вот остальное... Ладно, шутки-шутками, как зовут кота? На него последняя надежда.

Король тем временем снял с себя нарядный камзол, закатал рукава сорочки и попросил стражу удалиться за дверь. Ну да, мало ли, слабонервные попадутся, пока он будет искать новый оттенок серого, а я – пятый угол.

– Итак. Я не хочу тебя сильно калечить. Лицо постараюсь не трогать, руки мы прикроем цветами, а тело платьем, – со знанием дела заметил он, беря в руки кнут. – Так что в гробу ты будешь выглядеть очень красиво. Никто даже не заподозрит, что тебе пришлось пережить перед смертью.

В жизни меня наказывали физически только один раз. Все детство я только и слышала: «Настенька, Настюша, Настёна». Настеньке нужно то, Настеньке нужно это. «Отдай Настеньке куклу». А ничего, что эту куклу мне подарили на день Рождения? «Юля! Почему Настя плачет?» А ничего, что она плачет специально, чтобы мама пришла и наказала меня за то, что я не дала сестричке кубик? И когда меня в очередной раз наказали за то, что «плохо присматривала за Настенькой и обидела ее», я сильно разозлилась. В юности моя мама увлекалась фигурным катанием, поэтому на стене висела куча грамот и медалей. Я взяла фломастер и почер-

кала мамины грамоты. И за это мама меня выпорола.

Король подошел ко мне и погладил по щеке свернутым кнутом. Я скривилась, молча вспоминая тот день, когда уже проходила унизительную процедуру порки.

– Ну? Я жду! – сказал король, ухмыляясь. – Знаешь, мне нравится причинять боль женщинам. Это так волнительно и приятно. Тебе нравится боль?

Отличный вопрос! И тут за его спиной я увидела, как из темного угла отделилась знакомая тень.

– Только чужая, – заметила я, лихорадочно соображая. Фигурное катание? Возможно... Тройной тулуп, дупель, дуга... Нет, реально смешно, если кота зовут Дупелем.

– А мне нравится боль. Мне нравится ее причинять... Это просто восхитительно... Истязать, мучить, терзать и наслаждаться агонией, – прошептал маньяк, поглаживая меня кнутом. – Какой бы гордой ни была красавица, пара ударов кнутом заставляет ее валяться на полу и просить о пощаде. Интересно, сколько ударов понадобится тебе, чтобы осознать, что ты – ничтожество.

Тут в дверь постучали, и она открылась, впуская немного света в наше темное царство боли. На пороге мялся какой-то слуга, пряча глаза.

– Простите, ваше величество, я так понимаю, вы заняты... Но вас срочно хотят видеть... – проямлил слуга, бросая мельком взгляд на меня.

Король чертыхнулся сквозь зубы и вышел. Кошачья тень

мелькнула на стене. И вот он уже сидит на пыточном столе, вопросительно глядя на меня.

– Тулуп? – предположила я. Кот смотрел на меня такими глазами, что я сразу поняла, что он – не Тулуп. На кошачьей морде было явственно написано, что «Тулупом» его можно назвать только один раз.

– Двойной тулуп?

Котейка склонил голову на бок, понимая, что с интуицией у меня все плохо, зато с фантазией отлично!

– Дупель? – с надеждой спросила я, прислушиваясь к шагам за дверью.

Глаза кота округлились, как два блюдца. Бедный даже закашлялся. Судя по его виду, он чуть разрыв сердца не схлопотал. «Кто назовет меня „Дупель“, получит в одноименное место!» – читалось в его офигевших от моей фантазии глазах.

– Аксель? Арабеск? Я тогда даже говорить толком не умела! Откуда я могу помнить твое имя? – простонала я, усиленно вспоминая то, что еще не называла.

Кот отрицательно замотал головой. Дверь со скрипом открылась. Я вздрогнула. Король вошел, отдавая распоряжения страже, а кот снова растворился во тьме. Я услышала, как в замке проворачивают ключ, закрывая дверь в камеру пыток снаружи.

– Ненавижу, когда меня дергают! Тем более по пустякам! – процедил король, с ненавистью глядя на меня. – Хоро-

шо, что есть возможность сорвать на тебе злобу. И так, на чем мы остановились?

Король щелкнул кнутом, а я стиснула зубы, прикрывая лицо руками и закрывая глаза.

– Страшно? – с издевочкой спросил маньяк, снова щелкнув кнутом в воздухе. – Это я еще не начинал...

Я промолчала, с надеждой пытаюсь отыскать глазами знакомый силуэт, спрятавшийся в темном углу.

– Давай договоримся так. Ты подписываешь договор, и я убиваю тебя сразу. Если не подписываешь, я растяну удовольствие на пару дней! – заметил садист, глядя на колесо с цепями. – Как насчет колесования?

Я попыталась сопротивляться, но руки и ноги были связаны, поэтому максимум, что я могла сделать, так это толкнуть его плечом. Меня силой бросили на колесо и зафиксировали цепями. Отличное начало замечательного конца.

На черной отсыревшей стене позади палача появилась светящаяся надпись: «В эфире капитал – шоу „Поле Чудес“ Вращайте барабан!» Я простонала, чувствуя, что вращается не только барабан, но я и вместе с ним. Давненько я на карусели не каталась. «Слово из девяти букв», – успела прочитать надпись на стене. Девять букв? Все, выносите черный ящик. Я сразу сыграю в него. «Ладно, семь!» – появилась надпись. Я страдальчески посмотрела на кота, который смотрел на меня, как акушер-гинеколог, мол, рожай давай! «Четыре!!! Четыре долбаных буквы!» – мелькнула последняя надпись. Я

простонала. «Сектор приз на барабане. Буква?»

– А! – простонала я, глядя на кота. Кот тяжело вздохнул, прикрывая лапой морду.

Пока я вращалась вместе с барабаном, у меня из декольте выпал медальон.

– Она так любила меня, Анабель, – заметил садист, разглядывая золотую висюльку. – Она была настоящей красавицей, поэтому прожила чуть дольше, чем остальные. На пару дней... Ладно, не хочешь, тварь, по-хорошему, будет по-плохому!

Кнут взвизгнул в воздухе, я зажмурилась, но удара не почувствовала.

– Мышка, я тебя ненавижу! – с нескрываемым раздражением заметил знакомый голос. Я открыла глаза и увидела, что рука, которая должна была меня ударить, замерла на месте, потому что ее сжали когтистые пальцы. Король побледнел, когда вторая рука Фея сжала его горло.

– Итак, знаешь, как правильно вычислить одинокую девушку? – шепотом на ухо садисту заметил Фей. – Рассказываю. Если ты ее ударил, а тебе за это не свернули шею, значит, она действительно одинока. Но боюсь, что применить полученные знания на практике тебе уже не удастся.

– Кто здесь? – вздрогнул маньяк, пытаясь обернуться. – Я не велел никого пускать! Стража!

– Не волнуйтесь, – с издевочкой заметила я. – Это – мой кот. И ты ему очень не понравился!

– Стража! – заорал король, косо глядя на дверь. По его шее потекла кровь. Когти Фея с наслаждением впивались в нее.

– Да, они там, за дверью, но мяу... Дверь не откроется, пока я ее не открою. Пусть хоть пальцы в замок суют или то, что на уровне замка. Кстати... Тебе нравится боль? Просто я очень люблю ее причинять. – Глаза Фея сверкнули.

Крестный резким движением развернул короля лицом к себе, вырывая кнут. Положил руку на лицо Генриха, впиваясь когтями в щеки, и припечатал его к стене. Все это сопровождалось гаденькой улыбочкой. Фей явно наслаждался процессом.

– Кстати, Мышка, – поинтересовался он, продолжая смотреть на трясущегося садиста. – Не хочешь сходить замуж? Минут на пять-десять? Не больше... А я пока подержу жениха, чтобы он не сбежал. А то иногда женихи сбегают со свадьбы...

Веревки, которые связывали мои руки и ноги, мгновенно ослабли. Я выпуталась из цепей и сползла на пол. На столе валялся брачный договор. Подпись жениха уже стояла. Оставалось только поставить мою.

«После свадьбы все земли, принадлежащие жениху и невесте, становятся единым государством. После смерти одного из супругов все земли переходят во владение второго».

Я обмакнула перо в чернильницу и подписала.

– Дорогие молодожены! Примите мои искренние поздравления! – сладко сказал Фей, отпуская садиста, который с ужасом смотрел на нас. – Итак, мы плавно переходим от договора к приговору. Я не сильно тороплю события? Нет?

Король трясся, как осиновый лист, затравленно озираясь по сторонам. Его взгляд остановился на мне.

– Милая, любимая, единственная! – бросился он ко мне, вставая на колени и цепляясь за мое свадебное платье. – Я же пошутил! Я действительно влюбился в тебя с первого взгляда! Я просто боялся упустить свое счастье... Прости меня, пожалуйста... Я боялся, что ты сбежишь и разобьешь мне сердце. Прости, любовь моя... Я все для тебя сделаю... Я буду целовать землю, по которой ты ходила...

– Целовать – нет, грызть – да, – лениво заметил крестный, глядя, как садист судорожно цепляется за мой подол.

– Радость моя, солнышко мое, прелесть моя... Ну зачем же так жестоко? Я люблю тебя всей душой... Да, согласен, свадьба неудачная... Но мы все исправим... Я буду на руках тебя носить! – Король смотрел на меня красивыми глазами в которых застыли слезы. – Я... я... же пошутил, понимаешь... Я люблю тебя! Я бы никогда не посмел тебя обидеть... Посмотри на меня! Посмотри, прошу тебя... Мы с тобой будем счастливы! И твой котик будет жить с нами...

Генрих резко дернулся в мою сторону, я успела отшатнуться. А через секунду своими глазами увидела, как Фей схватил хвостом руку «страдальца от любви», из которой

со звоном на каменные плиты выпал кинжал.

– Ты не подумай, что я хотел тебя убить... Я просто хотел разрезать веревку... А ее уже развязали... – пролепетал кровожадный монарх, снова заглядывая мне в глаза. – Вот неловко получилось... Мое сердце принадлежит тебе... И только тебе...

И тут в зале стало очень и очень темно. Тьма сгущалась, постепенно подбираясь к нам со всех углов.

– Мышка, – раздался голос из темноты, прерываемый истошными криками. – Стой на месте... Тебе... хм... «любящее сердце» надо или можно выбросить?

Я даже сначала ничего не поняла. Все звуки стихли. И через пять минут тьма рассеялась. На полу лежало окровавленное тело короля с медальоном на шее. Судя по его виду, жениться он больше не сможет. Предлагать нечего.

– Мадам, – с издевкой заметил крестный, протягивая мне договор. – Примите мои соболезнования. Ваш супруг только что скоропостижно скончался. Сердце не выдержало. Надеюсь, что скромное наследство немного облегчит боль утраты...

Я вышла из камеры пыток, мечтая снова увидеть солнышко. Кот лежал у меня на плечах меховым воротником. Стража бросилась в мою сторону, но тут же замерла на месте. Они явно ожидали, что «первую брачную ночь» переживет только один. Но на меня, разумеется, ставок не делали. А зря... Я молча развернула перед ними документ, в котором черным

по белому было написано, что отныне это – мой замок и мои земли. Стражники посмотрели на тело своего кровожадного монарха, потом на подписи. Повисла неловкая пауза, и через секунду они упали передо мной на колени.

– Хм... А здесь мы тумбочку поставим! – заметил кот, пока я шла к выходу. – А вот тут подсвечник и диван... Хотя мне здесь не нравится. Наш замок пусть и старый, но мне он больше по душе.

– Так как тебя зовут? – спросила я, чувствуя, как его хвост ритмично стучит по моей спине.

– Я уже говорил, смотря кто и смотря куда, – усмехнулся кот, явно не желая отвечать на поставленный вопрос.

– Хорошо, как тебя называют! – перефразировала я, не понимая в чем смысл этой игры в загадки.

– «Это что за...?», «Исчадь!», «Чудовище!» – чаще всего так, – ответил кот, сладко зевнув.

– Как к тебе обращаются? – я начала терять терпение. Да что такое, в самом деле! Нельзя просто взять и назвать свое имя?

– Вежливо, учтиво и с колен, – ехидно заметил кот. Ему нравилось играть в эту игру. Хотя, может быть, тут дело в другом. Вдруг он сейчас назовет свое имя, а я поседею от страха?

– Ты точно не демон? – осторожно поинтересовалась я, немного насторожившись.

– Нет, я – просто кот. И твоя мама назвала меня Эдель-

вейсом, – вздохнул «просто кот».

– Как-как? – переспросила я, останавливаясь. – Ты что? Издеваешься? И ты хотел, чтобы я угадала твое имя? Ты с ума сошел?

– Через месяц она называла меня Дэльвис, Дэлис, Дэль, Дэс, – сладко зевнул кот. – Хотя какая разница? Я все равно делал вид, что глухой, и не отзывался. Мне это имя никогда не нравилось.

– И ты думал, что я догадаюсь? – возмутилась я, покачиваясь от усталости и переживаний.

– Нет, Мышка, просто ты целую неделю думала только обо мне и ни о ком больше, – заметил кот, спрыгивая с моего плеча и превращаясь в человека. – Ладно, не будем тратить время на обратную дорогу, тем более что Энцефалит уже давно сбежал и вернулся в замок.

Через секунду мы были дома.

Глава восьмая. Кошки-мышки

Я проснулась, сладко потягиваясь. После гнилой соломы проснуться на кровати – одно удовольствие. Тем более что перед сном я искупалась и наелась до отвала. Фей лежал рядом, обнимая меня. Я его принципиально не обнимала, но возмущаться после увиденного и пережитого не рисковала. Лучше спать с котом, чем со скотом. Нет, мне с одной стороны было немножко приятно, что меня обнимают, а с другой стороны это как-то немного противоречило моей древней привычке спать в гордом одиночестве. Если я обниму его, он подумает, что он мне нравится. А мне бы не хотелось, чтобы он так думал.

– Скажи честно, – очень осторожно начала я, глядя, как его веки подрагивают. Нарочно прикинулся спящим. – А спать в обнимку обязательно? Нет, ну если тебе так больше нравится, то обнимай...

– Когда ты была маленькая, мы всегда так спали... В доме было очень холодно, поэтому ночью я залезал к тебе в кроватку и мы с тобой грелись. Здесь тоже холодно. Ты не хочешь мерзнуть, я не хочу мерзнуть... Вот мы и спим в обнимку. Греем друг друга, как когда-то. Исключительно по необходимости, – пояснил Фей, чуть приоткрывая глаза, а потом добавил. – Утешай себя этой мыслью.

Я повернулась к нему спиной и перевернула продавлен-

ную головой подушку. Взгляд уперся в стену. Когтистая рука лежала на моей талии. Я закрыла глаза и уснула.

А проснулась только в полдень. Слегка дернулась, пытаюсь избавиться от наваждения неприятного сна. Снилось мне детство.

Маленькая Настя упорно выдирает волосы моей кукле, а я сижу рядом, и мне так хочется ее ударить, но я лишь тоскливо смотрю, как любимая игрушка превращается в чудовище. Я дергаю маму за подол халата, показывая рукой на Настю. «Юля, возьми лучше книжку почитай!» – отмахивается мама, забираясь с ногами на диван. Но я-то знаю: стоит мне взять книжку, как маленькие ручки тут же потянутся за ней. Дверь открывается – пришел папа. Он берет Настю на руки, подбрасывает пару раз, опускает на пол. Достает из кармана большой леденец, разворачивает и дает Насте. Та показывает конфету мне, хвастаясь и дразнясь, а потом засовывает себе в рот...

Мне досталась тогда маленькая потертая барбариска, которую я молча положила на пол. Нет! Не хочу об этом вспоминать! Не хочу! В носу противно защекотало, а веки стали такими тяжелыми из-за набежавших внезапно слез. Я стала глубоко дышать, чтобы успокоиться. Не хватало еще плакать при коте! Поэтому я и предпочитаю спать одна, чтобы в случае чего нареветься в подушку всласть. Я стиснула зубы, стараясь снова задвинуть это воспоминание куда-нибудь на задворки подсознания. Нет, слеза все-таки скатилась. На-

деюсь, никто не заметил.

– Мышка, – сладко и коварно прошептал Фей, чуть приоткрывая глаза и прижимая меня к себе, – По-моему, между нами что-то есть... И от этого твое сердце будет биться очень-очень часто...

Я замерла в напряжении. Слезы моментально высохли. При мысли об абстрактных, возвышенных и абсолютно неуместных понятиях я сглотнула. Нижнее веко левого глаза стало ритмично подергиваться.

– Надеюсь, что это – твой хвост? – тихо предположила я самый безобидный вариант.

– Нет! Хвост там, дальше. Это «что-то» очень твердое и... я бы даже сказал, хм, волшебное... – продолжил крестный тем же сладким голосом, демонстрируя кончик хвоста, выглядывающий из-за спины.

Напряжение сменилось животным ужасом.

– А ты можешь заправить волшебную палочку обратно? – шепотом спросила я. У каждого мужчины должен быть стержень. Правда, у кого-то он – внутренний, а у кого-то – нефритовый.

– Увы, нет. Это – подарок... – продолжил Фей, наслаждаясь моим ужасом.

Ужас медленно перерастал в тихую панику, правда, уже совсем другого рода. Полудохлая мышь? Недобитый голубь? Снулая и дубовая крыса?

– Оно еще теплое? – Я скривилась, представляя, как ко-

тик воплощает свою мечту «спать вчетвером». Я, он, его будущий завтрак и мой вчерашний ужин. И все на одной подушке.

– А ты потрогай... – предложил крестный с коварной улыбкой.

Мля... Что бы это ни было, я не собираюсь это трогать, щупать и проверять.

– Давай, трогай, не стесняйся!

Его голубые глаза смотрели на меня так, что стало понятно: пока не потрогаю – от меня не отстанут!

А руки с мылом после этого мыть не придется? А если я «случайно» это оторву, он не сильно обидится? А если оно еще тепленькое? Я вдохнула, выдохнула, чтобы успокоиться. Моя рука опасливо пошарила под совместным одеялом. Его рука вложила мне в ладонь что-то теплое и тяжелое. Я медленно достала «находку», которая на поверку оказалась невзрачным украшением с черным камнем. За ним тянулась массивная цепочка. И что это? Это – мне?

– Спасибо! – с облегчением вздохнула я. – Спасибо, что это – не то, о чем я подумала... Ни первое, ни второе, ни третье.

– Надень на шею, – зевнул Фей, отпуская меня.

– Давай потом, – кисло улыбнулась я, удивляясь тому факту, что мне подарили подарок. – Я потом обязательно-обязательно померяю...

Взгляд Фея стал очень тяжелым. Я села на кровати, сжи-

мая в руке подарок.

– Ладно, я надеваю! – сдалась я, чтобы не обижать крестного, который вдруг ни с того ни с сего решил сделать мне подарок.

– А теперь представь, что ты мышка, – зевнул Фей, потянувшись и привставая на локте. – Представляй. Ты – маленькая, беленькая, с длинным хвостиком... С маленькими розовыми ушками и черными бусинками-глазками.

Я зажмурилась и попыталась вообразить себя мышкой. Когда я открыла глаза, то поняла, что меня перенесло на заснеженные просторы. Я была одна посреди белоснежных холмов. Это – шутка какая-то? Через секунду я увидела нечто большое и черное. Огромная кошачья морда, от которой у меня сердце ушло в пятки. Кот открыл пасть, и я лихорадочно попыталась бежать... Бежать, бежать, бежать... Куда-нибудь. Я хотела встать на ноги, но не смогла, поэтому бежала на четвереньках, скатываясь с белых сугробов одеяла.

– Итак, – облизнулся кот, гаденько улыбаясь. – Сейчас мы будем готовить мышку. Мышка, ты готова?

Я просто сжалась в комочек от страха. Вот зря я повелась... Подарок! Отлично, меня сейчас съедят!

– Готова! – заметил кот, подтягиваясь и зевая. – Прячься. Я буду тебя искать... Считаю до двадцати. Раз...

Я дернулась по белым волнам, спрыгнула на пол, бросилась к двери. Дверь была закрыта. Зато в углу я увидела щель, в которую едва пролезла.

– Двадцать! – услышала я. Сердце ушло в пятки. – И где же моя Мышка? Где она спряталась?

И тут я почувствовала, что меня вытягивают из убежища за хвост... Я пыталась бежать вперед, но мордой протормозила по полу и чуть не сломала длинные передние зубы.

– Мышка, если ты прячешься, то прячься целиком. Не забывай про хвост. Давай, еще раз... Можно бегать по всему замку, – заметил кот, наступая на пресловутую часть тела. – Раз... Два... – начал отсчет, убирая лапу.

Я перевела дух и побежала под кровать, нашла трещину в стене, пролезла в нее и попала в соседнюю комнату. Заметалась в ее центре, пытаюсь понять, куда бежать и куда прятаться, бросилась в сторону груды старой поломанной мебели. Там была еще одна щель, которая длинным переходом вела куда-то вверх. Я протиснулась в нее и замерла на месте. Я застряла. Застряла... Я пыталась выбраться, но поняла, что не могу... Щель слишком узкая...

Я попыталась успокоиться. Пока я старалась отвлечься от мыслей, что останусь здесь навсегда, в голову лезло все подряд.

– Мышка? – раздался знакомый голос. – Ты где? Я тебя чую, но не вижу. Отлично, просто отлично.

– Я застряла... – простонала я. – Я боюсь замкнутых пространств...

От ужаса я начала задыхаться. Дернулась вперед, потом назад. Нет, я действительно застряла!

– Ничего, мой маленький клаустрофоб, лазейка есть... – сообщил кот.

Отлично! Утешили. «Все будет на высоте!» – поддержите морально того, кто боится высоты. «Лазейка есть!» – успокойте того, кто боится замкнутых пространств. «Все будет в шоколаде!» – обнадежьте диабетика. И получите стопятьсот очков в карму. Боюсь, что их сразу занесут в табло.

– Сейчас попробую достать тебя лапой... – раздался голос кота. – Увы... Ты там глубоко?

– Глубже некуда!

Не знаю, кто до меня лазил в эти щели, но, кажется, исключительно тараканы. Натощак.

– Как ты себя чувствуешь? – с издевочкой спросил кот. – Как за каменной стеной?

– Как в каменной стене! – огрызнулась я, пытаюсь максимально выдохнуть и попытаться выбраться самостоятельно. – Получила место в Кремлевской стене досрочно за особые заслуги перед отечеством.

По стене постучали.

– Кто-кто в теремочке живет? Кто-то в невысоком живет? – раздался голос, давясь от смеха.

– Мышка-норушка! – злобно рявкнула я, надрывая связки.

– «Наружкой» ты бы была, если бы сидела снаружи, – заметил ехидный голос, дальше простукивая стену, – А так ты – мышка-внутрянка.

– Ветрянка! – простонала я, снова дергаясь. – Вытащи меня!

– Вы позвонили в службу спасения. Переведите телефон в тональный режим. Для соединения с оператором нажмите один, – раздался саркастический голос.

– Один! – заорала я. И снова услышала стук.

– Сейчас все операторы заняты. Оставайтесь на линии. Ваш звонок очень важен для нас! – сообщил ехидный голос, простукивая стену.

Раздался оглушительный грохот, потом отвалился кирпич, и когтистая рука достала меня. Я чихнула от пыли, вцепившись в спасительный палец. «Шевабода! Шевабода!» – пронеслось в голове на радостях от условно-досрочного освобождения.

– Не переживай, если что – розетку сделаем. Электричества нет, зато будет розетка. Сможешь совать туда пальцы, сколько влезет. Исполним твою детскую меч... – начал крестный, а потом резко дернулся назад.

По стене шла глубокая трещина. Она расплзалась, и...

Стена рухнула, поднимая облако пыли. Следом раздался страшный шум за окном. Вылетели стекла.

– У тебя что? – возмутилась я, снова чихая. – Башню снесло?

– Не у меня, а у нас... – со знанием дела возразил Фей, выглядывая в окно, – Несущая стена была... Левая башня... Капитально-косметический ремонт нам бы не помешал, а то

у нас два с половиной королевства, а мы живем с тобой как-то чересчур скромно, если судить по королевским меркам. Ничего, деньги вчера поступили, смету на ремонт я составил, бюджет спланировал.

– Кхе... кхе... – прокашлялась я, вцепившись в его когтистый палец.

– Подумай о себе, как о человеке... – раздался голос крестного. Он взял меня за хвост и опустил на пол. Я легла, поджав под себя конечности.

– Не выходит... – простонала, пытаясь отойти от пережитого ужаса.

Фей превратился в кота, разинул пасть, и тут же я сразу представила себя человеком.

Кот сидел на мне.

– Я же говорил, что люблю быть сверху! – коварно заметил он, облизываясь. – Кстати, насчет ремонта...

– Ремонт? – возмутилась я, отряхиваясь от пыли, – Какой ремонт? Почему я узнаю об этом только сейчас?

– Ты умеешь штукатурить? – со знанием дела поинтересовался кот, отряхиваясь от пыли.

– Ну... Штукатурила один раз... – припомнила я, отряхивая футболку и громко чихая. – Правда, это было давно...

– А я умею стремянку качать и уворачиваться от летящего шпателя. А еще я люблю оставлять отпечатки лап на еще мокром цементе. Всегда мечтал иметь звезду на Аллее Славы! Мы будем отличной командой, если решим сделать ре-

монт своими руками, тем более что обязанности уже распределили! – обрадовался кот, – Я пять лет жил на стройке! Когда я в первый раз потерялся о стремянку, то понял, насколько скуп и убог мой словарный запас. Зато когда шел мимо строительного магазина, для меня стало невероятным открытием, что названия инструментов начинаются не на букву «х». Но мало того, они все называются по-разному! Так как? Как насчет ремонта своими руками?

– Насчет ремонта я согласна, моими руками – нет! – категорически возмутилась я, – Тем более что ты будешь исключительно руководить процессом! Помощи от тебя никакой!

– Ну кто-то же должен быть прорабом? Ты будешь работать, а я буду нести ответственность за готовый результат! – усмехнулся кот. – Знаешь, что в таком случае самое важное для меня?

– Качество и скорость? – саркастически заметила я, отряхивая пыльные волосы. Вот она – ранняя седина.

– Главное для прораба – не охрипнуть! – постановил кот. – Так как? Мышка готова постичь азы благородной древнейшей профессии под моим чутким руководством, а заодно пополнить словарный запас? Или доверим это профессионалам?

– Выбираю профессионалов. Нет, ну ремонт – это хорошо! У меня тогда будет своя комната! – обрадовалась я, предвкушая уютную красивую спальню. – И мы будем спать отдельно!

Кот тут же принял человеческий облик.

– Мышка, ты опять за старое? – как-то не по-доброму заметил он, но тут же усмехнулся. – Знаешь, а давай поспорим. На желание. Если ты выиграешь, то будешь спать отдельно, и я выполню любое твоё желание. Но если проиграешь, то мы будем спать вместе, и тебе придется выполнить любое моё желание? Итак, спорим, что ты сама придешь ко мне в постель. И не просто придешь... Ты прибежишь, залезешь под одеяло, прижмешься ко мне и будешь всю ночь обнимать меня?

– Хэ! Еще чего! Ага, сейчас! Разденься и жди! Прибегу я к тебе сломя голову! – криво улыбнулась я, глядя на него снисходительно, как на умалишенного. – А обниму я тебя только в том случае, если захочу придушить.

– Спорим? – Крестный коварно улыбнулся и протянул мне когтистую руку. – Мышка, на кону желание! Любое!

– Спорим! – усмехнулась я, пожимая ее. Желание – это хорошо!

– Отлично! Смотри внимательно! Я создаю тебе проблемы! – сладенько заявил крестный, доставая договор. – Давай, принц! Пора на работу! К вечеру мы должны быть на месте!

– погоди, мы не договаривались ехать куда-то! – уперлась я, понимая, что он что-то задумал. А я-то думаю, откуда такая уверенность?

– Но и не уточняли, что речь идет о нашей постельке, не так ли? – Крестный положил руку мне на плечо и слегка

сжал когтями, коварно глядя в глаза. – Давай, мой принц, целое королевство на дороге не валяется! Тем более что если мы не приступим сегодня, придется ждать еще лет десять. Одевайся, поскакали!

***

– Скоро я с тебя деньги за проезд буду брать! – возмутилась я, когда кот опять расположился на моей шее.

Энцефалит медленно, но верно покидал мои внезапно расширившиеся владения.

– Мышка, не забывай, что у меня – проездной! – напомнил кот, щекоча меня усищами.

– Послушай. Проездные ООО «Юлякототранспорт» не выдает. На мне могут кататься бесплатно только льготники! Инвалиды, пенсионеры и дети до шести! Ты у нас явно не ребенок и не пенсионер... Хм... На инвалида тоже не похож, – заметила я, скосившись на довольную кошачью мордочку.

– А если мне, например... эм... девяносто четыре года? – осведомился кот. – Мне уже пора на пенсию? Или я еще неплохо сохранился для столь почтенного возраста?

Н-да... Я и забыла, что имею дело с необычным котом.

– Ладно, если ты так хочешь... Но учти, будешь вредничать, к пенсии прибавятся льготы по инвалидности! – усмехнулась я.

– А ты знаешь, что я – очень злопамятный котик? – ехидно заметил мой мохнатый пассажир. – Поверь мне, когда ты будешь выполнять мое желание, я тоже уточню, передавала ли ты деньги за проезд? Боюсь, что в этот момент ты будешь меньше всего думать о финансовой стороне вопроса...

– Фу-у-у-у! – возмутилась я, скривившись. Энцефалит встал, как вкопанный.

– Это я не тебе. Ты – хороший мальчик... – погладила я коня по гриве. – Давай, потихонечку...

– Значит, коня ты гладишь, а меня – нет? – ревниво заметил кот, заерзав на шее.

– Он всегда загадочно молчит, – едко заметила я. – А у тебя рот не закрывается!

– Знаешь, какой у меня девиз? Не просить, не унижаться, просто молча обижаться! – ехидно произнес кот мне на ухо. – Может, мне на тебя обидеться как следует?

– Это я должна на тебя обижаться! А насчет твоего желания – мечтать не вредно. Этого никогда не будет! Никогда! Ты мне нравишься только тогда, когда спасаешь мне жизнь! В этот момент ты действительно мне нравишься. Ты становишься похожим на мужчину, – ядовито ответила я. – Если один глаз закрыть, другой прищурить и отойти подальше.

– Ну, значит, придется почаще спасать твою жизнь! – парировал кот. – А чтобы мне пришлось ее почаще спасать, тебе придется почаще ею рисковать! Тебя за язык никто не тянул! Главное, чтобы мне внезапно это не надоело, и я

не ушел в закат с бутылкой виски, оставив тебя наедине с оголодавшим драконом.

«Ваша киска купила бы виски! – мысленно усмехнулась я. – И неделю бухала б из миски!»

Мы ехали по какой-то пыльной дороге. Чем дальше ехали, тем становилось все мрачнее и мрачнее. И тут я увидела одинокий силуэт, сидящий возле дороги. Судя по виду – какая-то старуха.

– Кто здесь? Еще один принц, который скачет на выручку заколдованной принцессе? – прошамкала бабка, поднимая на меня глаза. Они были затянуты какой-то белесой пленой. – Хочешь, погадаю? Всю правду расскажу!

О! Это интересно. Люблю гадания! Интересно, что будущее мне сулит?

– А сколько стоит гадание? – поинтересовалась я, заметно оживляясь и прикидывая, сколько денег я взяла с собой.

– Золотой, – прокряхтела старуха. – Слезь с коня и возьми меня за руку.

– Только не это! – возмутился кот, закатывая глаза. – Очередная шарлатанка. И ты в это веришь? Я был о тебе лучшего мнения!

Я быстро слезла с коня, протянула ей ладонь и сунула деньги. Старуха, опираясь одной рукой на витиеватую клюку, попыталась встать, но тут же села обратно на придорожный камень.

Она взяла меня за руку, и я заметно напряглась.

– Я вижу древнее проклятье. Несколько проклятий. Убийца проклят за свои злодеяния. Зло вернулось и жаждет мести. И ты потерпишь сокрушительное поражение. Оно поставит тебя на колени... А потом... Потом... – произнесла старуха и тут же закашлялась. – Не буду об этом говорить... Это действительно мерзко и ужасно... Аж мурашки по коже...

Я подняла брови, пытаюсь понять, что все это значит, а потом вырвала свою руку. У меня самой по спине побежали мурашки от жуткого пророчества... Я отошла подальше от старухи, все еще находясь под впечатлением от услышанного.

Старуха поднялась с камня, тихо кряхтя на все лады:

– Все! Рабочий день у меня закончился. Итак, подведем итог. Сегодня я напорочила пять смертей, три изнасилования, шесть суицидов! Немного не дотягиваю до плана... Надо будет завтра побольше изнасилований пророчить.

Старуха нащупала какой-то узелок за камнем, пересчитала деньги и побрела по дороге.

– Мне вот интересно, – язвительно заметил кот, явно наслаждаясь моим замешательством. – Какой показатель ты сегодня подняла этой оптимистичной провидице?

– Не ерничай. Мне и так не по себе... – поежилась я, чувствуя неприятный осадок, после услышанного. Еще бы! Я ожидала услышать что-нибудь про успех, про карьеру, а не про какое-то древнее зло и проклятие!

– Мышка, запомни одну вещь. Что бы ни случилось – раз-

беремся, – усмехнулся кот, явно довольный услышанным.

– Ты, случайно, не вышеупомянутое вселенское зло? – подозрительно поинтересовалась я, взбираясь на коня.

– Ты льстишь вселенскому злу! Как говорят: «Страшнее кошки зверя нет!» – усмехнулся кот. – Надо было, чтобы и мне погадали. Будут ли у меня наследники? Для меня это – очень важный и принципиальный вопрос.

– Пф-ф-ф! – приснула я, наклоняясь вперед. – Наследники чего? Кошачьей миски и пакета сухого корма? Наследники подушки и коробочки?

– Я им оставлю в наследство свой характер! – язвительно заметил кот мне на ухо.

– Пощади мир! – взмолилась я. – Тебя одного ему вполне достаточно! Не ускоряй апокалипсис, пожалуйста... Бедная их мать, она же...

– Знаешь, жалеть себя – последнее дело! – ехидно ответил кот и показал хвостом направление. – Направо!

Я смотрела на две дороги. Одна выглядела достаточно живописно, зато другая сразу вызывала ассоциации с добротным фильмом ужасов.

– А может, налево? – Я уставилась на «жизнерадостную» дорогу. Энцефалит сразу взбодрился и потянул меня в сторону понравившегося нам направления.

– Для того, чтобы сходить налево, нужно для начала выйти замуж! – усмехнулся кот. – Брак на пять минут не считается. Поэтому мы едем направо!

Энцефалит был категорически не согласен. Я, между прочим, тоже. Конь прижал уши и стал пятиться, показывая мордой налево.

– Двое против одного, – заметила я, разглядывая карту. Все дороги вели к замку. Какая разница, по какой ехать?

– Ну и отлично! Ты поедешь налево, я пойду направо. Встретимся у замка. Если тебе повезет! – усмехнулся кот, спрыгивая с меня. – Если что – кричи! Учти, я откликнусь только на «Любимый!».

Вот так и разошлись наши дороги. Мы с Энцефалитом отправились налево, котэ, гордо задрав хвост, пошел направо. С каждым шагом вглубь чащи дорога становилась все мрачнее и мрачнее. Где-то выл одинокий волк и слышался женский голос. Я вздрогнула и прислушалась.

– У-у-у-у-у! – раздавалось откуда-то из зарослей. На траве валялась перевернутая корзинка с пирожками.

– Ну давай, милый, давай... Хочешь – на полянке... Хочешь – в кустиках... Где хочешь... Да, милый, сделай это... Я прошу тебя... Еще немножечко... Еще чуть-чуть... – раздался умоляющий женский голос. Я мучительно покраснела.

Через пару минут на дороге появилась хрупкая девушка в красной шапочке и в красном плаще с большим и очень упитанным волком на поводке.

– Давай, как ты любишь, прямо на дороге... – предложила она, отпуская поводок. Волк страдальчески посмотрел на девушку и поджал хвост.

– Так, ты будешь это делать или нет? – возмутилась девушка, а потом увидела меня. – Простите, он сожрал что-то не то, а теперь... Присаживается, хвост поднимает и страдает... Уже два дня. Я его в лес вывела, чтобы он... Так! Куда к пирожкам тянешься! Неизвестно, кто их тут бросил! Фу! Нельзя! Приучила к пирожкам на свою голову! А ну плюнь!

Волк уже хомячил пирожок, с ужасом косясь на свою хозяйку. Мне было интересно, как такая хрупкая миловидная девушка сумела приручить волка. Мало того, что приручить, так еще и заставить его себя бо...

– Ах, ты! – заорала она так, что птицы слетели с деревьев, и шлепнула волка по морде. – А ну быстро плюнул! Плюнь! Я кому сказала! А вдруг он отравлен?

Волк просел на лапах, раскрыл пасть, и оттуда вывалился жеваный пирожок. Шарахнулся даже Энцефалит. Я сама конвульсивно дернулась.

– Простите, – вежливо извинилась девушка, поправляя съехавшую шапочку. – Все! Ты наказан! С поводка больше не спущу! Ты меня понял? **ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ?!!**

Энцефалит посмотрел на меня искоса. Я немного пришла в себя после увиденного, и мы медленно тронулись дальше.

– Давайте я вас провожу? – заметила Красная Шапочка, догоняя нас. – Может быть и этот надумает! Я уже его к лекарю возила. Хороший был лекарь, знающий... Когда я ему вернула его руку, он сказал, чтобы в следующий раз мы приехали в наморднике. Волчок у меня не почти кусается...

Хотите погладить?

Ага, всю жизнь мечтала!

– А у тебя есть домашние животные? – спросила разговорчивая Шапочка, идя рядом. Волк смотрел в сторону леса, прижимая уши и косясь на хозяйку.

– Кот, – брякнула я.

– А я-то думаю, что он тебя так нюхает? От тебя котом пахнет! – заметила Шапочка, дергая волка, когда тот попытался понюхать кусты. – Замужем?

– Уже нет, – вздохнула я, вспоминая недавний, недолгий и несчастливый брак.

– И я тоже. А на примете кто-нибудь есть? Мне просто любопытно? А то такое чувство, что перевелись нормальные мужики! – спросила не в меру разговорчивая «волчатница». Волк попытался сожрать какую-то дохлятину, но хозяйка его резко дернула, и бедняга тут же передумал.

– Эм... – многозначительно выдала я, намекая, что скорее «нет», чем «да».

– У меня так же. Вроде бы и симпатичная, неглупая, жильем обеспечена, готовить умею, а все с мужиками не везет, – вздохнула Шапочка, дергая волка за поводок, когда тот решиллизать травинку. – Нельзя! Я кому сказала? Рядом! Рядом! РЯДОМ!!! Приперся недавно пьяный дровосек. Настойчиво требовал любви и ласки. Топором угрожал. Потом захотел денег. Стал требовать, чтобы я ему деньги дала, а он меня за это... Бабушка на работе была, а я одна дома. Я ему

попыталась объяснить, что в таком ключе знакомство ну никак не состоится... Знаешь, мужчины – очень тяжелые люди... Да, милый?

Я солидарно вздохнула. Волк посмотрел на свою хозяйку. – И вообще здесь небезопасно. Особенно одинокой девушке... Считают, что раз одна живу, так все можно! Ладно, пока! Было очень приятно с тобой познакомиться! – попрощалась Красная Шапочка, и я поехала дальше.

Энцефалит снова посмотрел на меня. Я потрепала его по гриве.

– Хороший мальчик... – вздохнула я ласково и нежно. – Замечательный лошадкин!

Перед нами из тумана выросал черный мрачный замок. Возле закрытых ворот нас нетерпеливо ждал кот.

– Странно, что тебя не съели... – заметил он, стуча хвостом. – Очень странно. А то говорят, что на той дороге оборотень промышляет. Часто находят изувеченные мужские тела с ножевыми ранениями и следами волчьих зубов.

Я промолчала. Энцефалит посмотрел на меня и заржал. Мужчины – очень тяжелые люди... Теперь понятно, почему волк такой упитанный.

– Ладно, Мышка, – заметил кот, фыркая от досады, что меня не пришлось спасать. – Добро пожаловать в замок! Сейчас открою дверь.

Кот шмыгнул сквозь прутья, и через минуту дверь открылась. Весь парк представлял ужасное зрелище. Деревья чер-

ные, без листьев, на жухлой траве лежали старые ветки. Дорога к замку почти заросла, а прямо на ступенях, ведущих к основному входу, лежали пожелтевшие черепа. Огромная дверь с кованой ручкой-кольцом с протяжным скрипом отворилась, и мы вошли в пыльный и темный зал. Из высоких окон проникал тусклый свет, и пыль серебрилась в его лучах. Пыль была везде. На перилах, на портретах, подернутых серой паутиной. Дверь за нами с грохотом захлопнулась, отчего я вздрогнула и сжалась в комочек.

– У-у-у-у-у! – раздалось позади. Сердце ухнуло в пятки, а мочевого пузырь, который был напряжен как террорист, захвативший заложников, чуть не сдался и не выпустил всех...

– У-у-у-у-у! – услышала я снова, резко оборачиваясь и чувствуя, как по коже начался массовый забег мурашек. Кот шел следом, довольно улыбаясь.

– Это я так восхищаюсь! Не обращая внимания, – ядовито заметил кот, разглядывая сумрачные лица на потускневших портретах. – У-у-у-ух ты! Какая красота!

Я поднялась по лестнице, слушая свои одинокие шаги в гулкой тишине. Снова глянула назад, но кота не было. Так! Куда он делся? Я повернулась обратно и тут же увидела перед собой довольную кошачью морду, которая уставилась на меня. Кот сидел на пыльных перилах.

– Бу! Ты, главное, ничего не бойся... – сладко заметил он, потягиваясь и выгибаясь.

Я шла по коридору, чувствуя, что портреты следят за мной

из потускневших от времени рам. В замке было прохладно, но воздух казался очень затхлым. Наконец я увидела большую тяжелую дверь, но стоило к ней притронуться, как меня тут же отбросило назад.

– Открой? – кивнула я коту.

– Увы, чтобы дверь открылась, нужно провести здесь три ночи. Я разве не говорил? Нет? Входная дверь закрылась, назад дороги нет! – зевнул кот. – А теперь выбираем, где будем спать. Я сплю в северном крыле. Ты – в южном. Все, как ты и хотела, Мышка.

Глава девятая. Не смотри и не облизывайся

В южном крыле оказалось пыльно, грязно и мрачно. В северном – не лучше. Так что выбора особого не было.

– Итак, Мышка, – усмехнулся крестный, открывая дверь в свою комнату. – Запоминай сюда дорогу. Я даже дверь закрывать не буду и сразу приготовлю две подушки. Главное, чтобы ты успела добежать...

– Если я куда-то ночью побегу, то только в туалет, – усмехнулась я, демонстративно шагая по коридору в сторону «своей» спальни.

Я выбрала комнату с большой кроватью и стряхнула пыль с подушки. На подушке был чей-то волос, который я брезгливо убрала, а на матрасе красовалась желтая лужа. Я перевернула матрас чистой стороной вверх и легла, не раздеваясь. В сапогах спать неудобно. Я сняла их и поставила рядом с кроватью, пытаясь снова улечься. Застежки камзола кололи. Пришлось снять камзол и бросить его рядом. Я потянулась, сладко зевнула, глядя, как на меня с мрачного портрета смотрит какой-то невзрачный мужчина. С такой внешностью нужно грабить банки. Или на худой конец – банкоматы. Никто не опознает, никто не запомнит. Я снова сладко зевнула, взбила подушку. За окном уже темнело. На небе заго-

релись первые звезды, мерцая сквозь тяжелые тучи. Думаю, что если забаррикадироваться, то можно спокойно проспать хоть до утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.